б 74(5К)
О-65

И. Орешникова

Абай в русской школе

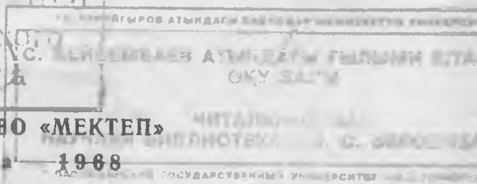
Т П
8С(Каз)1(07)
О-65
5 74 (5К)
О-65
54955

И. ОРЕШНИКОВА

АБАЙ В РУССКОЙ ШКОЛЕ

ПОСОБИЕ ДЛЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ КАЗАХСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В РУССКОЙ ШКОЛЕ

БИБЛИОТЕКА ... института

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЕКТЕП»
Алма-Ата — 1968

874.261.8(512)

ОТ АВТОРА

583572

А. Фадеев в одном из своих писем писал, что знакомство с братскими национальными литературами было для него «не только в науку, но и в удовольствие».

Не должны ли эти слова стать девизом для учителя, раскрывающего томик Абая в русском классе? Сквозь даль времен, через сложность национальных особенностей, учитель поведет учащихся к постижению творчества казахского классика. Научит в предрассветных исторических сумерках на казахской земле видеть огонь разума и братства, зажженный в одной из безымянных и неведомых тогда миру юрт. Научит гордиться другим народом, сочувствовать другому народу, понимать и любить его.

Эта книга о творческой лаборатории учителя, и прежде всего — о той убежденности в пользе своего дела, про которую Абай сказал когда-то: «Если твоя истина не владеет тобой по-настоящему, то для кого же другого она может быть ценной? Как ты можешь желать от других уважения тому, чему сам не служишь преданно?»

Индекс $\frac{6-5}{221-68\ М}$

НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ИСТОРИЧЕСКИХ СУДЕБ

Жизнь и творчество Абая Кунанбаева—одна из главных тем в казахской литературе XIX века. «В истории литературы должны быть прежде всего освещены те литературные направления и течения, которые в значительной степени определили последующее поступательное движение родной литературы»[1],— писал Мухтар Ауэзов.

Такое поступательное движение сообщил казахской литературе Абай, который был для нее «началом всех начал», как Пушкин для русской.

Родоначальник реалистической казахской поэзии и философ, он первый в истории казахов использовал художественное слово как призыв к дружбе между казахским и русским народами.

Абай был гуманистом, провозгласившим свои принципы «в волчье время и в волчьей стае»; он был просветителем в ту эпоху, про которую сам с горечью сказал так: «Невежество впиталось в мясо и кости народа вместе с материнским молоком и выело у него человечность» [2]. Он в своих трудах пропел гимн науке в стране,

---

[1] М. Ауэзов, Мысли разных лет, Казгосиздат, Алма-Ата, 1961, стр. 155.

[2] Абай, Собр. соч. в одном томе, М., 1954, стр. 394.

где почти не было грамотных; он страстно верил в разум, хотя был представителем народа, не имевшего в конце XIX века ни одного высшего учебного заведения; он насаждал прекрасное на земле, не знавшей ни одного театра и насчитывавшей 9 книжных лавок на необозримой территории.

Неудивительно, что творчество и жизнь поэта вызывают у нас глубокий интерес. Русский писатель Леонид Леонов при закладке памятника Абаю так определил величие литературного и гражданского подвига казахского поэта: «Нужно, поистине, обладать крылатым умом и орлиным зрением, чтобы на перекрестке исторических судеб не потеряться. Могучим голосом надо обладать, чтобы поведать своему народу о далях, видных с поднебесной высоты. И, наконец, редкостной смелостью обладать надо, чтобы возвысить этот голос в условиях, царивших здесь столетие назад... Таким был Абай Кунанбаев...»[1]

Творчество Абая раскрывает дух казахской литературы, ее нравственное обаяние и эстетическую ценность. Одновременно оно свидетельствует о стремлении учиться у других народов, не теряя национальной самобытности. Абай обратил свои взоры к русскому народу в напряженное и сложное для России время. Хронологические рамки жизни поэта захватывают конец первого этапа революционно-освободительного движения, весь второй этап и начало третьего — время, в которое было написано Белинским письмо к Гоголю, начат и почти завершен многотрудный подвиг Льва Толстого, время, вместившее недолгую деятельность Чернышевского и его

---

[1] Сборник «Русские о казахской литературе», Алма-Ата, 1957, стр. 88.

долгую каторгу, творчество Чехова и начало литературного пути Горького.

Сын кочевого народа, в прошлом затерянного на исторических дорогах, Абай смог творчески воспользоваться идейным, нравственным и эстетическим богатством русской литературы, сурово и настойчиво прокладывал путь к реализму для своей литературы и к просвещению для своего народа. Творчество его — ключ к пониманию всей казахской дореволюционной литературы.

ДАЛЕКИЙ И БЛИЗКИЙ

Школьная программа отводит на изучение Абая 5 часов — время значительное, если учесть малое количество часов, приходящихся на весь курс казахской литературы до Октября (30 уроков), и время крайне недостаточное, чтобы уложить в него большой общественно-политический, нравственный и эстетический смысл абаевской жизни и творчества. Малое количество часов диктует необходимость творческого подхода к отбору материала, четкое планирование, до предела экономное использование времени, перенесение части работы на внеурочное время.

Следующая трудность заключается в том, что методической литературы по изучению творчества Абая на русском языке нет. Таким образом, ряд важных методических моментов (в особенности осуществление преподавания казахской литературы в тесной и органической связи с русской и специфика работы по переводу, а не подлиннику) каждый учитель решает только в соответствии с личным опытом, не имея возможности обратиться к опыту коллективному.

Кроме того, литературоведческий материал о казахском классике, необходимый учителю, рассеян в работах, которые не всегда можно найти в библиотеке. Трудно достать изобразительный материал (репродукции, альбомы-выставки, таблицы). Учитель лишен того «резерва знаний», которыми располагает он, преподавая русскую литературу, а это неизбежно сказывается на отношении учащихся к предмету в целом и к творчеству отдельных писателей.

Русские учащиеся, как правило, до специальных уроков с поэзией Абая не знакомы — явление непривычное и для преподавателя литературы, и для класса. В курсе русской литературы мы смело опираемся на уже известный детям материал. Дошкольниками узнают они имя Пушкина и учат его стихи, антикрепостническая направленность творчества Тургенева раскрывается для них уже в «Муму», Чехов и Гоголь, Горький и Шолохов знакомы детям из программы восьмилетней школы. Таким образом, представление о жизни и творчестве русских писателей формируется на протяжении ряда лет с учетом возрастной психологии. С иным положением встречаемся мы, когда приступаем к изучению Абая да и других казахских писателей. Это создает дополнительные затруднения.

Преодоление всех этих трудностей требует от учителя известных усилий, но они окупятся тем воспитательным воздействием, какое способно оказать на русских учащихся творчество Абая.

Глубина и общечеловечность проблем, поставленных Абаем, не потеряли своего значения и до наших дней. «Несомненно, Абай созвучен нашей эпохе не только основными мотивами своего творчества, но созвучен и своими идейно-культурными исканиями, мудрыми для

своей эпохи решениями этих проблем»[1],— писал М. Ауэзов.

В процессе изучения творчества казахского классика учитель имеет возможность продолжить нравственное воспитание учащихся, начатое на уроках русской литературы; воспитывать нетерпимость к общественному злу, несправедливости, лжи, преклонение перед разумом человека и веру в его творческие возможности, уважение к женщине и т. д.

«Абай впервые в степи ставит вопрос о высокой цели служения поэта и поэзии народу, о их связи с жизнью. Мы слышим в его стихах и слезы обиженного баем сироты, и самодовольные окрики волостных, и перекличку юных сердец. С гневом и негодованием обрушивается он на степных правителей, которые держали народ в темноте и невежестве, обличает пороки, скорбит о судьбе женщины казашки»[2].

Абай упорно стремился утвердить идеал нового человека — сеятеля разума и просвещения, поборника труда и науки, заступника слабых и угнетенных.

Абай близок нам своим стремлением решить проблемы, актуальные и сегодня: мой народ и человечество, поэт и народ, понимание любви к отчизне.

Абай воспитывает не только объективным содержанием своего глубоко гуманного творчества, но и занятой вполне сознательно, в соответствии с просветительскими убеждениями, страстной позицией учителя, проповедника доброго.

«Абай Кунанбаев был пламенным наставником молодежи,— пишет исследователь Т. Тажибаев.— Как никто иной из числа своих современников-казахов и многих

---

[1] М. Ауэзов. Мысли разных лет, стр. 128.

[2] Е. Лизунова. Современный казахский роман, стр. 302.

представителей восточной культуры, Абай выступает страстным проповедником и неустанным поборником нравственного воспитания молодежи»[1].

Не следует бояться откровенной поучительности творчества Абая. Сочинения, записи в дневниках внеклассного чтения, устные ответы, беседы с учащимися свидетельствуют о том, что в личности и творчестве великого поэта старшеклассников особенно привлекают вопросы самовоспитания, ответственности за свою личность перед обществом — то, о чем Абай сказал: «Человек — дитя своего времени. Но если ты дурен, не обвиняй в этом своих современников»[2].

Учитель должен позаботиться о том, чтобы при изучении творчества казахского поэта до русских учащихся дошел требовательный голос его раздумий: «Если хочешь быть в ряду разумных, то раз в день, или раз в неделю, или хоть раз в месяц давай сам себе отчет, как ты за это время вел себя в жизни... Не совершил ли ты того, в чем следует раскаиваться? Думай о том, как ты провел свою жизнь и заметил ли ты, запомнил ли ты, как провел ее»[3].

Подобная постановка вопроса будет не только созвучной устремлениям юности, но и глубоко актуальной, ибо воспитание ответственности личности перед обществом — важный момент в формировании нравственного облика советского человека, один из моментов борьбы за коммунистическую психологию и мораль.

Естественно, что идейно-нравственное обогащение учащихся будет одновременно эстетическим обогащением. Темы человека и природы, любви к Родине и жен-

---

[1] Т. Тажибаев, Педагогическая мысль в Казахстане во второй половине XIX века, Изд. «Казахстан», Алма-Ата, 1965, стр. 140.

[2] Абай, Собр. соч. в одном томе, М., 1954, стр. 387.

[3] Там же, стр. 349.

щине, отцовских чувств и мужской дружбы войдут в сознание музыкой абаевского стиха, чеканными фразами его прозы. Учащиеся увидят осеннюю стоянку в пыли, юрты без очага и испытают чувство грусти и сожаления не только от увядания природы, но и неустроенности кочевого быта. Они побродят в весенней степной траве, переживая вместе с поэтом радость весеннего обновления. Белизна первого снега, красная лисица на снегу, стремительное падение черного беркута, буйство ярких красок, найденных Абаем для изображения охоты, позволят полнее ощутить радость жизни, счастье молодости.

Таковы идейно-нравственные и эстетические задачи, планируемые учителем в процессе изучения творческого пути Абая.

ГОТОВИМ ЗАВТРАШНЮЮ РАДОСТЬ

Учитывая малое число часов, отведенных на изучение творчества Абая и отсутствие предварительных знаний по этому вопросу у класса, мы вводим своеобразный пролог, предысторию к знакомству с Абаем. Цель этого — приучение детей к самому имени поэта, создание атмосферы ожидания интересной и важной темы, первые наметки связей поэта с родной и русской литературой. Так, например, на уроках русской литературы, характеризуя общественный подъем 60-х годов XIX века, скажем, что второй этап русского освободительного движения с новой силой вызвал к жизни не только крестьянский и женский вопросы, но и национальный.

Лучшие русские люди — Герцен, Чернышевский, Добролюбов — ощутили тревогу за судьбы малых народов и обратили взгляды к национальным окраинам России.

Чтобы сравнить позицию передовых русских людей с официальной позицией царизма, сошлемся на труды ученого и общественного деятеля А. Е. Алекторова. Его статья «О приобщении казахских детей к русской культуре»[1] вызывает сочувственный отклик русских учащихся.

А. Е. Алекторов рассказывает о том, как ездили в 1900 году в Москву ученики старшего класса Оренбургской киргизской учительской школы. Школа наскребла 50 рублей из своих жалких средств. С учащимися снарядили муллу. И вот степная молодежь впервые в вагоне железной дороги.

В Москве, дивясь, осмотрели Кремль, Исторический музей. Третьяковская галерея была закрыта, но по личной просьбе художника Васнецова приезжим разрешили посмотреть картины. Долго стояли они перед портретами Гоголя и Некрасова, перед картинами Репина.

Учитель закончит рассказ раздумьями А. Е. Алекторова о национальной школе:

«Дайте киргизской школе учителя-киргиза, проведите преподавание в ней на киргизском языке... Но этого мало... Сделайте ее национальной школой; кроме учителя-сородича и преподавания на родном языке, киргизский мальчик должен встретить в ней все родное, знакомое и любимое им с детства: описание своей жизни, своих нравов и обычаев, бытовых особенностей, историю своего народа и своей родины, картины кочевья и своих степей, гор и лесов...

Тогда только эта школа сделается истинным рассадником знания среди киргизов, возбудителем их мысли и лучших человеческих чувств...»

---

[1] См. Сборник «Русские о казахской литературе», Алма-Ата, 1957, стр. 12—16.

Напомним учащимся, что царскому правительству хотелось бы запретить языки разных народностей и национальностей, на которых говорило 60% населения России, отравить ядом шовинизма и национализма сознание народов.

И все-таки, несмотря на все запреты, память Пушкина жадно вобрала в себя казахскую песнь о Козы-Корпеш и Баян-Слу, любовь к казахскому народу помогла Далю создать рассказы из жизни казахов, рука Шевченко зарисовала с состраданием и жалостью убогий вид нищей казахской юрты, художник Верещагин показал русским красоту необъятных казахских степей, ученый Алекторов потребовал национальную школу для казахской молодежи...

Так, уже на уроках русской литературы мы намечаем взаимное духовное тяготение казахского и русского народов, без которого невозможно понять величие деятельности Абая.

Еще большую возможность для создания перспективности в изучении дают уроки казахской литературы, предшествующие изучению Абая. Тема «Абай и казахская литература» должна подготавливаться исподволь, начиная с поэзии Махамбета Утемисова. Так, например, в заключительном слове о мятежном поэте можно переключить внимание класса на предстоящее знакомство с новым деятелем казахского искусства:

«Махамбет Утемисов был воином и борцом, которому стих и песня нужны были для того, чтобы призвать народ к восстанию и проклясть ханов. О чем думал, мечтал и пел народ, как трудился он, как осознавал свое отношение к другим народам, расскажет нам другой поэт — Абай. Он придет в казахское искусство позже и останется в нем как родоначальник письменной реалистической литературы».

Характеризуя деятельность Ч. Валиханова и И. Алтынсарина, подчеркнем в ней именно то, что займет потом видное место в творчестве Абая: пропаганду знаний и призыв к сближению с русским народом. Например, можно познакомить учащихся с отрывком из письма Достоевского Чокану Валиханову:

«Напишите статью о Степи... Не великая ли цель, не святое ли дело, быть чуть ли не первым из своих, который бы растолковал в России, что такое Степь, ее значение и Ваш народ относительно России... Вспомните, что Вы первый киргиз,— образованный по-европейски вполне. Судьба же Вас сделала вдобавок превосходнейшим человеком, дав Вам и душу, и сердце...»[1]

Нежность и глубокое уважение, которыми дышит письмо, придают особую убедительность мыслям Достоевского о казахском народе.

Ярким доказательством благотворности приобщения к русской культуре будет для учащихся еще один документ — отрывок из записок Ч. Валиханова на имя царской администрации.

«Судьба миллионов людей, подающих несомненные надежды на гражданственное развитие, людей, которые считают себя братьями русских по отечеству и поступили в русское подданство добровольно, кажется, заслуживает большего внимания и большей почтительности в таких решительных вопросах, которые формулируются в шекспировском — «быть или не быть...»

Скажем, что Ч. Валиханов писал на русском языке. Но вслед за Валихановым придет в казахскую культуру другой мыслитель, и на казахском языке зазвучат мысли Белинского и стихи Лермонтова, от этого мыслителя и

---

[1] Ч. Валиханов, Статьи и переписка, Алма-Ата, 1947, стр. 113—115.

поэта казахи узнают имена Л. Толстого и Салтыкова-Щедрина. В год безвременной смерти Чокана — Абаю двадцать лет. Он еще набирает силы для своего нелегкого пути к народу и к песне, нужной народу.

В обзорной теме «Казахская литература второй половины XIX века» сообщаем о состоянии народной поэзии ко времени прихода Абая в казахскую литературу. Смысл новаторской деятельности Абая будет усвоен глубже, если учащиеся узнают, что в народной поэзии ко времени его прихода боролись противоречивые тенденции. Это было вызвано ломкой социальных условий жизни народа: рушились феодально-патриархальные устои; капитализм проникал в казахскую степь; в народе рождалось ощущение своей силы и жил старый страх перед феодалами; появлялось уважение к знаниям и существовало рядом с религиозными предрассудками, росло желание нового и терзала боязнь будущего.

В таких сложных и противоречивых условиях казахская народная поэзия не могла правильно осветить вопрос о путях развития казахского народа, об отношении его к русскому влиянию [1]. Это предстояло сделать Абаю.

Итак, на уроках русской и казахской литературы учащиеся усваивают историческую закономерность взаимного тяготения казахского и русского народов и появления фигуры Абая — глашатая дружбы. Они представляют уже место Абая в истории казахской литературы; та перспективность, которую учитель стремился вызвать «прологом»,— достигнута.

Немаловажное значение имеет эмоциональный зачин, вступительное слово учителя о поэте. Основная мысль

[1] Интересные доказательства этих положений учитель может найти в книге М. С. Сильченко «Творческая биография Абая», Изд. АН КазССР, Алма-Ата, 1957.

его такова: «Абая выдвинуло время, ожидания и чаяния народные». Во вступительном слове мы широко используем отрывки из эпопеи М. Ауэзова «Абай» и «Путь Абая».

«...Народ ждал поэта и заступника. Измученный и несчастный народ. Его родиной была эта широкая безлюдная степь. Его одинокие аулы затеряны в громадной пустыне. Нет постоянного, обжитого места. Нет кипящих жизнью городов. Народ разбросан по степи, словно жалкая горсть баурсаков, рассыпанная скупой хозяйкой на широкую скатерть... И нет от него ни следа, ни добра. Как пена на озере: возникнет и исчезнет. Сегодня в лощине, завтра на холме... А где же следы, которыми можно гордиться? Где наследство потомкам?...»

Первая часть слова, преподнесенная как эмоциональное раздумье, действует на воображение учащихся, яркие зрительные картины, вызванные мастерскими сравнениями М. Ауэзова, наполняют глубоким смыслом привычную фразу «кочевой образ жизни».

И в самом деле: где наследство потомкам? Этот энергичный вопрос — переход ко второй части слова, связывающий понятия «народ» и «Абай». «Такое наследство оставил Абай. Абай — зрячее око, Абай — отзывчивое сердце, Абай — мудрость народа. В его жизни и творчестве отражены лучшие мысли, чувства и дела народа. Наверное, потому он так много успел за свои 59 лет: он был основоположником письменной казахской литературы и первым поэтом-реалистом, композитором и философом, гуманистом-просветителем и певцом дружбы народов. И это «в волчье время и в волчьей стае»,— как сказал М. Ауэзов о его нелегкой жизни.

Вторая часть слова контрастна первой: там тягостные раздумья о народе, ожидающем певца, здесь — исполинская фигура Абая в величии его дел; конец

побуждает к размышлениям и вопросам. Ответом на них будет последующее объяснение.

Вступительное слово учителя психологически настроило и мобилизовало учащихся. Мы приступаем к изучению биографии Абая.

«ОДИН ПРОТИВ ТЫСЯЧ...»

Изучение биографии — ответственный момент в знакомстве русских учащихся с казахским поэтом. Учителю важно донести до класса неповторимость жизни и творческого голоса Абая, его отношение к природе, обществу и человеку в сравнении с другими деятелями казахской литературы, чтобы эпитет, найденный Ауэзовым,— «мудрый Абай» (в отличие от «пламенного Махамбета» и «мощного Джамбула») был раскрыт для учащихся.

Отбираем фактический материал, наиболее ярко освещающий следующие моменты: впечатления Абая от феодального уклада аульной жизни и его взаимоотношения со средой, к которой он принадлежал по рождению; история самообразования и сближения с русскими ссыльными; отношение к детям и молодежи; долгий путь в литературу (от акына-импровизатора до основоположника реалистической литературы).

Как использовать этот материал?

В. Е. Маранцман в работе «Биография писателя в системе эстетического воспитания школьников» советует для каждого писателя найти свой биографический «ключ».

Биография Абая тоже требует своего «ключа», тем более, что жизнь поэта лишена внешних ярких событий: перекочевки, заботы о большой семье, поездки в Семи-

палатинск, изредка участие в родовых спорах... А тем временем в тайниках души созревал протест против дикости феодально-родовых пережитков, против нищеты кочевого быта, против мрака невежества.

Чтобы рассказать историю души, нужны дневники поэта, его переписка, мемуарная литература. Таких материалов о поэте нет. Воспоминания, сохранившиеся в памяти родных, близких, знакомых Абая и записанные с их слов, либо не опубликованы, либо не переведены на русский язык и не доступны для русского читателя. Понятно, что тот устный материал, которым мы располагаем, не может заменить документацию.

«Ключом» к изучению жизни Абая явится превращение в факт большой воспитательной ценности само отсутствие документальных материалов, преподносимое как проклятье кочевой жизни, смывшей все видимые следы большой судьбы,—все, кроме стихов, удержанных благодарной памятью народа.

Совершим с учащимися маленькое заочное путешествие в музей Семипалатинска и урочище Жидебай... Обойдем мысленно пять тесных комнаток абаевского домика, вызовем желание у учащихся посетить когда-нибудь эти места, постоять у скромной могилы поэта, повторяя горькие строки стихотворения Олжаса Сулейменова:

Вблизи Чингисских гор его могила,
Исколотая желтыми цветами,
Голодными, немилыми, нагими
К могиле приходили на свиданье.
И пили, усмехаясь, горечь песен,
И, колыхаясь, колебались травы.
Цветы желтеют грустно,
С [illegible]
Вблизи Чингисских гор его могила,

583572
академик С. Бейсембаев атындағы ғылыми
КІТАПХАНАСЫ

Сравним это путешествие с заочной экскурсией на Набережную Мойки, 12, которую совершали при изучении биографии Пушкина [1].

Вспомним, что в квартире Пушкина на Мойке мы не ощущаем «музейной атмосферы, словно еще сохраняют эти стены запах жилья. Кажется, что хозяин квартиры только что вышел, он вернется, непременно вернется к своему столу, чернильнице, книжным полкам»[2]. Воссоздать все это помогли документы, воспоминания, зарисовки современников, сохранившаяся библиотека, личные вещи поэта.

Как нехватает всего этого, чтобы воссоздать в воображении большую жизнь классика казахской литературы. А ведь Абай родился спустя восемь лет после гибели Пушкина.

Отсюда логичен переход ко времени жизни и творчества Абая. Даты жизни (1845—1904) записаны на доске. Предлагаем классу ряд вопросов «викторинного» характера:

Чьим литературным современником был Абай?

Сколько лет было Абаю, когда автор «Севастопольских рассказов» сражался на одном из бастионов Севастополя?

Когда Абаю было 17 лет и отец готовил его к роли главы рода Тобыкты, русское общество вело яростные споры вокруг одного из современных романов. Какого?

Кто из русских писателей, как и Абай, умер за год до первой русской революции?

Вывод из хронологической викторины может быть сделан двумя путями: можно просто сообщить о том, что

---

[1] Материал можно взять из книги А. Гессена «Набережная Мойки, 12».

[2] Р. Штильмарк, «Образы России», Изд. «Молодая гвардия», 1967, стр. 302.

творчество Абая приходится на второй этап русского освободительного движения, что его современниками были Тургенев и Некрасов, Лев Толстой и Салтыков-Щедрин и что освободительные идеи, пусть с большим трудом, но проникали в отсталые национальные окраины России.

Можно же обратиться к творческому воображению школьников и создать более яркое и образное представление о времени Абая. «Он мог бы скорбно идти за гробом Некрасова, переписываться с Чеховым, совершить паломничество в Ясную Поляну, лично знать Горького и Короленко. А он никогда не покидал пределов казахской степи, не слышал музыки Чайковского, не видел полотен Репина и Серова, не держал в руках ни одного напечатанного сборника своих стихов...

Но в те годы, когда молодой Чехов и молодой Левитан зачитывались последними произведениями Салтыкова-Щедрина, эти же книги лежали на далекой кочевке перед неизвестным России казахским поэтом. И не одни ли и те же жандармские руки шарили, производя обыск, и в Ясной Поляне, и в зимовке Абая близ Семипалатинска!»

Рисуя образно картину возможного общения Абая с деятелями русского искусства, мы возвращаем первоначальную свежесть затертому понятию «отсталая национальная окраина», мы воссоздаем в воображении учащихся фон, на котором ярче будут видны пытливость Абая, его могучая тяга к знаниям. Одновременно мы вызываем чисто личное отношение учащихся к духовной трагедии казахского поэта, который, как и наш Пушкин, «вышел рано, до звезды...»

Рассказ о жизненном пути Абая строим таким образом, чтобы вызвать реакцию на каждое значительное явление его трудной поэтической и личной судьбы. Пей-

зажные зарисовки, заранее подобранные по эпопее М. Ауэзова и прочитанные в классе учащимися, перенесут в мир, окружавший Абая, будут эстетической подготовкой к восприятию стихов о природе и одновременно контрастом к общественным отношениям феодальной среды.

Характеризуя одно из самых отрицательных явлений этой среды — бесправное и униженное положение казахской женщины, говоря о таких чертах быта, как многоженство, аменгерство, калым, браки по родовым расчетам, учитель может сказать о тяжелой и беспросветной жизни казашки словами большого писателя: «Проклятая женская судьба!.. в тот день, когда муж охладеет к тебе, цена твоя будет не дороже старой, истоптанной стельки!» Экспрессивность горьких слов Ауэзова прозвучит как личная оценка учителем уродливых отношений того времени и одновременно позволит учащимся в дальнейшем понять нравственное величие Абая, потребовавшего для женщины человеческих прав.

К эпопее М. Ауэзова мы обращаемся и при необходимости образно воссоздать для учащихся картины социальной действительности, в которой рождались стихи Абая, показать своеобразие самого творческого процесса, связанного с народными традициями импровизации.

Так, мы используем эпизод поездки Абая в аул Такежана [1], чтобы показать, какие реальные обстоятельства могли вызвать горькие и обличительные строки стихотворения «Ноябрь — преддверие зимы...» Разумеется, учитель постоянно должен помнить сам и подчеркивать для учащихся, что он ссылается на художественное произведение, в котором правомерен художественный вымысел. Но тем не менее глубокое понимание казахской дей-

---

[1] «Путь Абая», т. 2, ч. I, глава «Месть».

ствительности второй половины XIX века и тщательное изучение жизни и творчества Абая М. Ауэзовым позволяют нам именно так представлять формирование Абая-поэта.

Говоря о неприятии и осуждении великим поэтом современной ему действительности, учитель опирается и на документы (официальные отзывы об административной деятельности Абая, полицейские доносы на него), приводимые в книге М. С. Сильченко «Творческая биография Абая».

Рассказ о жизни поэта мы дополняем материалом, который отсутствует в школьном учебнике, но без которого нельзя изучать его творчество в русской школе,— историей пути Абая к русскому читателю [1].

Скажем классу, что до Октября читателю были известны лишь шесть стихотворений поэта. В 1889 году в 12-м номере «Особого прибавления к «Акмолинским областным ведомостям» анонимный переводчик познакомил публику с содержанием стихотворения «Наконец, волостным я стал...».

Прочитав текст в «Особых прибавлениях...», А. Алекторов нашел произведение серым по мысли и слабым в поэтическом отношении [2].

Но ведь в этом же самом стихотворении М. Ауэзов, знавший его в оригинале, ценил «живописность, едкую сатиричность, психологизм..., обобщающую силу, которой могут завидовать хорошие романы» [3].

Почему такие противоречивые мнения?

---

[1] Историю «открытия» Абая русскими мы излагаем по диссертационной работе С. Куспанова «Переводы поэзии Абая на русский язык». Казахский педагогический институт им. Абая, 1966.

[2] А. Алекторов, Народная литература киргизов. «Астраханский Вестник», 1893, № 1247.

[3] Эр жылдар ойлары, Алматы, 1959, 108 б.

Приведем для сравнения отрывки двух переводов стихотворения «Наконец, волостным я стал...»

Перевод 1889 г.

Все дела разбирались подробно:
Присужденный с виновных скот
Взыскивался сполна;
Хорошо вникающие в дело бии
Твердо стояли за справедливость.

Перевод советского поэта Д. Бродского

Но не долго длилась борьба,
Убедили одних; других,
Непокорных, в бараний рог
Посгибали в единый миг;
Озверел наускáнный бий,—
Что ему до тягот чужих? [1]

Кажется, что это переводы разных произведений. Перевод 1889 года рисует картину умиротворяющих порядков в дореволюционном ауле. «Сглаженный и причесанный редакцией текст теряет реалистический характер абаевского оригинала: типические черты героя и его психологическую характеристику, сатирическую направленность, яркие портретные черты, своеобразие языка и стиля»[2].

Проблема перевода предстанет перед учащимися как проблема прежде всего политическая. Они поймут, что в условиях царской России Абай не мог быть переведен на русский язык. Критическое начало, пронизывающее все его творчество, было ненавистно как для байской феодальной знати, так и для царских сатрапов.

Тем большее основание у учителя сообщить классу имена двух дореволюционных переводчиков Абая — С. Сабатаева и Н. Рамазанова, которые бережно перевели художественной прозой несколько стихотворений

---

[1] Абай, Собр. соч. в одном томе, ГИХЛ, М., 1954, стр. 100.
[2] М. С. Сильченко, Творческая биография Абая, стр. 102.

Абая: «Лето», «Аул ночью», «Поэт», «Пожалейте меня...»[1].

Скажем, что в советское время почти все поэтическое наследие Абая переведено на русский язык. С 1934 по 1958 г. выпущено шесть изданий переводов. Первым советским поэтом-переводчиком Абая был Вс. Рождественский. В 1936 году он перевел для русских читателей 28 стихотворений казахского поэта.

В 1940 году творчество Абая привлекло внимание ряда поэтов (П. Шубина, А. Глоба, М. Петровых, Д. Бродского, М. Тарловского, А. Штейнберга и др.). Они осуществили перевод 88 избранных стихотворений Абая, трех поэм, отдельных афоризмов.

В 1945 году творчество казахского поэта было представлено на русском языке 141 стихотворением. Над переводами работало 28 поэтов-переводчиков.

Вместе с тем необходимо сообщить учащимся, что проблема перевода Абая на русский язык до наших дней не решена в качественном отношении. Многие переводы стихотворений Абая, которые изучаются русскими учащимися, искажают идейный смысл и поэтический дух подлинника. Развернутые доказательства этого мнения учитель может найти в ряде статей последних лет: Х. Суюншалиев, А. Жиренчин «Произведения Абая на русском языке» («Қазахстанская правда», 1954, 10 декабря), Б. Габдуллин «За полноценный перевод произведений Абая» («Қоммунист Қазахстана», 1955, № 1), А. Алимжанов «О переводах произведений Абая» («Советский Қазахстан», 1955, № 6), Л. Лилина «Исправленный Абай» («Қазахстанская правда», 1959, 3 октября).

---

[1] В книге «Восточный сборник в честь А. Н. Веселовского», М., 1914.

Знакомство с этими материалами необходимо учителю. Анализируя качество переводов, авторы статей дают в ряде случаев квалифицированный подстрочный перевод произведений Абая, что, несомненно, пригодится учителю при анализе творчества поэта.

Рассказ о жизни поэта мы заканчиваем словами обращения Абая к потомкам: «Вдумайся глубже, отнесись ко мне сердечно, ведь я был не понят. Вырос я в дикой пустыне, где не было ни одной тропинки,— одни буераки. Я боролся один против тысяч...»[1]

Трепетное беспокойство поэта о том, поймут ли грядущие поколения его жизнь, его духовные поиски,— психологический переход к изучению творчества Абая.

ПОДОБНО ПУШКИНУ

Поэтическая деятельность Абая тесно связана с русской культурой. Мы будем изучать ее в параллелях к русской литературе, опираясь на знакомый учащимся материал. На таком аспекте преподавания казахской литературы настаивал М. Ауэзов. Он писал: «Верное освещение истории родной литературы в ее связях с великой русской культурой... важно... для воспитания молодежи, для того, чтобы у подрастающего поколения сложился ясный и правильный взгляд на историю развития культуры своего народа»[2].

Из множества интересных и поучительных литературных связей поэта мы останавливаемся на сближении имен Абая и Пушкина.

---

[1] Стихотворение Абая «Пожалейте меня» в прозаическом переводе С. Сабатаева и Н. Рамазанова.

[2] М. Ауэзов, Мысли разных лет, стр. 154.

Сходна их роль в истории своих литератур. Белинский видел величие Пушкина в том, что он не соблазнился простым копированием того, что достигли другие народы. «Он заботился не о том, чтоб походить на Байрона, а о том, чтоб быть самим собою и быть верным той действительности, до него еще непочатой и нетронутой, которая просилась под перо его» [1]. Верность своей действительности сделала Абая основоположником казахской реалистической поэзии.

Есть общее и в источниках их творчества. «Драгоценная сокровищница народа была той основой, на которой выросло творчество великого казахского поэта»...[2] Пушкинскую поэзию тоже питали родники народного творчества.

Белинский считал, что по творениям Пушкина можно развивать не только эстетическое, но и нравственное чувство, а Горький назвал его «колоссальный и универсальный» талант «психически здоровым и оздоровляющим». В лирике Абая, как и в лирике Пушкина, неиссякаемый ключ бодрости и веры в жизнь, в человека.

Сопоставляя эти имена, М. Ауэзов писал: «Подобно Пушкину, Абай в самой сущности своего идейного и творческого богатства интернационален именно потому, что он ярко национален и народен» [3].

Разумеется, по мере необходимости мы будем касаться и других связей казахского поэта с русской литературой [4]. Но большая работа по «воспитанию человека в

---

[1] В. Белинский, Избранные сочинения, Огиз, М., 1947, стр. 456.

[2] М. Қаратаев, Рожденная Октябрем, Казгосиздат, Алма-Ата, 1968, стр. 86.

[3] М. Ауэзов, Мысли разных лет, стр. 139.

[4] Ценный материал по этому вопросу учитель может найти в книге З. Ахметова «Лермонтов и Абай», Изд. АН КазССР, Алма-Ата, 1954.

человеке», начатая при изучении творчества Пушкина, найдет свое продолжение и углубление на уроках, посвященных Абаю.

При освещении сложного вопроса о литературных взаимосвязях учитель должен опираться на достижения литературоведения и критики. Так, следует помнить настойчивое предостережение М. Ауэзова от поверхностного, упрощенного толкования связей, от выискивания сходства в отдельных деталях. М. Ауэзов считал, что всеобъемлющее горьковское влияние на национальные литературы заключается вовсе не в том, что «вслед за основоположником социалистического реализма многие из братских писателей употребляют образы ужа или сокола. Нет, речь идет о глубоком восприятии принципов его могучего, гуманистического в самой своей основе реализма» [1].

Это глубокое восприятие принципов русского реализма и должны мы проследить, знакомя учащихся с произведениями казахского поэта. Прежде всего учащиеся должны осознать в каждом конкретном случае историческую закономерность литературных связей. Так, уроки, предшествующие изучению творчества Абая, подвели класс к мысли о том, что связи Абая с русской культурой были подготовлены общими историческими условиями, что необходимость художественного осознания национальных проблем толкнула поэта к художественному и культурному опыту русского народа.

Изучение биографии знакомит учащихся с конкретными формами проявления взаимосвязей. В личных контактах деятелей двух культур учитель опять-таки раскрывает «глубочайший исторический смысл»,— как говорил М. Ауэзов. В сближении Валиханова и Достоев-

---

[1] М. Ауэзов, «Правда», 1 декабря 1954.

ского, Абая и Михаэлиса учащиеся должны увидеть нечто большее, чем образец прекрасной личной дружбы. М. Ауэзов настаивал на «расшифровке» этих отношений: в дружбе петрашевцев с Валихановым, в личной близости учеников Герцена и последователей Чернышевского с Абаем не сказалось ли «осуществление части программы шестидесятников: осуществление мысли Чернышевского о просвещении народных масс исторически плодотворными, истинно спасительными знаниями?»[1] Знакомя с одной формой проявления литературных связей — с личными контактами деятелей двух культур — учитель покажет закономерность перерастания этой формы в другие формы связей.

Первым следствием личных взаимоотношений Абая с передовыми русскими людьми было приобщение к чтению. Именно чтение широко распахнуло перед казахским поэтом двери в мир новых идей, чувств, понятий, настроений. Чтение породило острое желание поделиться с народом сокровищами, почерпнутыми из русской культуры, подтолкнуло к художественному переводу — этой «службе связи между народами»,— как говорил С. Маршак.

Очень часто для русских учащихся остается нераскрытым величие литературного подвига Абая-переводчика. Учитель обратит внимание уже на сам выбор поэтических имен, взятых для переводов. В безошибочной оценке Абаем гиганта Пушкина, в сочувственном отклике на гражданскую скорбь Лермонтова, в проницательном понимании сатиры Крылова учитель, конечно, вскроет тонкий эстетический вкус Абая и глубину его поэтической натуры.

Но этим ограничиться нельзя. В стремлении Абая познакомить свой народ с передовой русской литературой,

[1] М. Ауэзов, Мысли разных лет, стр. 218.

враждебной самодержавию, православию и официальной народности, учащиеся должны услышать отзвуки общественной борьбы в России во второй половине XIX века.

Значение художественного перевода, торжествующего над расстоянием, над временем, над национальными различиями, можно убедительно показать, обратившись к эпизодам эпопеи М. Ауэзова «Абай» и «Путь Абая» (сцена исполнения Айгерим письма Татьяны).

Одновременно подчеркнем, что перевод для Абая был одним из путей творческой учебы у русских классиков. В процессе знакомства с произведениями поэта нам предстоит показать учащимся самую сложную форму взаимосвязи — влияние русских художественных традиций на собственное творчество казахского классика.

Мы рассмотрим работу над некоторыми произведениями поэта в свете выдвинутых ранее нравственно-эстетических задач и требований программы — сделать видимой, ощутимой для учащихся связь Абая с нашей современностью.

«НАРОДУ ОТДАЛ Я ЛЮБОВЬ...»

«В творчестве национальных писателей должно быть выявлено все исторически прогрессивное, революционное, передовое и показано в своих глубоких связях с революционно-демократической традицией русского реализма»,[1]— писал М. Ауэзов, раздумывая над путями изучения родной литературы.

Отбирая исторически-прогрессивное из наследия

[1] М. Ауэзов, Мысли разных лет, стр. 81.

Абая и ставя его на службу нравственному и эстетическому воспитанию учащихся, мы прежде всего обращаемся к патриотическим и интернациональным мотивам творчества поэта. Современник Герцена, Чернышевского и Добролюбова, он воспринял многое из их революционно-демократических заветов. Феодал по рождению и воспитанию, сын крупнейшего степного аристократа, он рвался к своему народу сквозь толщу родовых и классовых предрассудков. Абай-философ считал, что «...без народа нет и жизни. Какая польза в том, что ты разложишь в пустыне ситец и сядешь рядом с ним, взяв аршин в руки?»[1]. Абай-поэт самую большую боль испытывал оттого, что

Разрознен мой родной народ.
Расколот, разобщен...[2]

Абай-наставник и воспитатель неустанно советовал: «Если хочешь, чтобы сын твой стал человеком, учи его, и сделаешь тем благо ему и своему народу...»[3]

Он любил народ действенной и конкретной любовью, и это была неотъемлемая часть его любви к отчизне. Ему хотелось, чтобы казахи умели обрабатывать землю, знали ремесла, учили своих детей русскому языку, жили мирно между собой, дружили с другими народами. Патриотизм Абая лишен национальной ограниченности. Его сердце было отдано не только кочевьям родного Тобыкты; оно вмещало в себя уважение и любовь к другим народам. Это делает Абая одним из больших гуманистов прошлого и объясняет благотворность его влияния на молодежь.

---

[1] Абай Кунанбаев, Собр. соч. в одном томе, М., 1954, стр. 234.
[2] Там же, стр. 364.
[3] Там же, стр. 363.

Пламенный и суровый патриот Салтыков-Щедрин утверждал, что «патриотизм, более нежели другое проявление человеческого духа, находится в зависимости от воспитания и навыка»[1].

До сих пор учащиеся видели, как и за что любили свою Родину русские деятели нашей литературы — от безымянного автора «Слова о полку Игореве» до Пушкина, от Белинского до Горького. Теперь они узнают, какие мысли, чувства, ассоциации вызывает у другого народа слово «родина», и не только получат понятие об этих чувствах, но и проникнутся ими.

Воспитание патриотизма средствами казахской литературы, в частности, в процессе изучения творчества Абая, требует методических поисков от учителя.

«Я сам казах. Люблю я казахов или не люблю?» — этим отрывком из 9-го слова «Поучений» Абая мы начинаем разговор о патриотических мотивах творчества поэта. В словах Абая — сплав боли, любви и сомнений. Сначала это вызывает некоторое недоумение класса: можно ли сомневаться в том, что любишь народ, к которому принадлежишь? Затем учащиеся припоминают, что Лермонтов назвал свою любовь к отчизне «странной», что Некрасов упрекал народ за долготерпение.

Литературные параллели свидетельствуют о том, что учащиеся по курсу русской литературы представляют сложность проблемы патриотизма для передовых людей прошлого. Основываясь на этих знаниях, сообщим, что и абаевское чувство любви к Родине может быть понято нами лишь в таких сопоставлениях: родина и народ, народ и власть имущие, свой народ и другие народы, народ

---

[1] Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., М., 1933, т. 7, стр. 553.

и поэт. Предлагаем убедиться в этом на стихотворении «О казахи мои! Мой бедный народ!»

Стихотворение, раскрывающее глубину сыновней обеспокоенной любви поэта к народу, переведено на русский язык поэтами Л. Шифферсом и С. Липкиным. Ни один из переводов критика не считает вполне удачным. Поэтому представляется необходимым познакомить учителя с аналитическим чтением текста подлинника, которое дает С. Куспанов.[1]

Стихотворение «О казахи мои...» состоит из трех частей. В первой части Абай говорит о страшной отсталости, отсутствии единства и сплоченности, забитости казахского народа и ставит вопрос: Отчего все это так? Во второй части поэт отвечает на свой вопрос. Третья часть содержит оценку и вывод поэта.

Как же доносят до русского читателя идейное содержание этого стихотворения поэты-переводчики?

С. Куспанов отмечает как серьезный промах следующее: «В переводе недостатки народа чрезмерно сгущены, вернее, народу приписаны дурные качества, присущие не ему, а «мелкому сброду», а сатира на этот «мелкий сброд» (т. е. на виновников отсталости народа) сильно ослаблена... вместо 12 строк едкой сатиры в переводе осталось только 2:

Всякий подлый, чванливый и мелкий сброд
Изуродовал душу твою, народ!

Как ни сильны эти строки, они все же не могут заменить силу двенадцати абаевских строк».

Кроме того, С. Куспанов указывает на произвольное нарушение композиции стихотворения: энергичный вы-

---

[1] С. Куспанов, Переводы поэзии Абая на русский язык, стр. 149—150.

вод Абая — «Если накипи этой не смоешь с себя» — должен стоять в конце стихотворения, между тем как перевод С. Липкина заканчивается упреком, а не выводом-призывом.

При работе над стихотворением учителю следует учесть эти моменты.

Предваряем чтение стихотворения «О казахи мои...» словами Белинского, которые он сказал о «Думе» Лермонтова и которые можно отнести и к строкам казахского поэта: «Стихи вылились... как поток слез, давно уже накипевших, как струя горячей крови из раны, с которой вдруг сорвана повязка»[1]. Образность и эмоциональная сила оценки мобилизует внимание класса и одновременно намечает нужную параллель—идейную близость казахского и русского поэтов.

Зачитываем стихотворение в переводе С. Липкина и начинаем анализ в форме размышлений вслух, когда учитель ищет у класса подтверждения своим мыслям, будто бы навеянным лишь теперь, после чтения: Можно ли отнести слова Белинского к стихотворению Абая? Что роднит оба стихотворения?

Учащиеся отмечают чувства скорби, неудовлетворенности окружающим. (Помня условности всякого сравнения, четко разграничим отличия, вызванные временем, историческим и национальным окружением: Лермонтов пишет о русской дворянской интеллигенции, потерявшей веру в свободолюбивые идеалы после поражения декабризма, Абай полвека спустя размышляет о судьбах своего народа, переживающего крушение многовековых феодально-родовых устоев под натиском развивающегося капитализма).

Что же тревожит поэта? Чем вызвана его скорбь?

---

[1] В. Г. Белинский, Избр. соч., Огиз, М., 1947, стр. 150.

Класс назовет вражду и раздоры, невежество. Помня недостатки перевода, следует особо подчеркнуть, что Абай ни в одной строке своего стихотворения не считает эти черты извечными, он хорошо понимает причину их возникновения: «из-за денег и власти кипит вражда», из-за того, что «спор ведут господа». И больнее всего ему именно то, что народ бессилен, что

всякий подлый, чванливый и мелкий сброд
изуродовал душу твою, народ.

Снова проведем параллель к гражданской позиции Лермонтова, для которого величайшей трагедией было видеть свое поколение «перед властью презренными рабами».

Итак, стихотворение полно страстного отрицания, гражданского гнева, сходного с тем, который звучал в «Думе» Лермонтова и в других известных учащимся произведениях русской литературы.

Чем вызвано абаевское отрицание? Почему можно утверждать, что это строки патриота? Учащиеся отмечают восклицание-стон, которым начинается стихотворение, некоторые говорят о том, что поэт видит и хорошее в своем народе («велик числом», «с виду неплох», обладатель меткого и острого «серпа-языка»).

Чтобы учащиеся сильнее ощутили выстраданную Абаем любовь к народу, предложим им определить, какой перевод — С. Липкина или Л. Шифферса — полнее передает мысли и чувства поэта. Даем для сравнения отрывки из подстрочника и переводов.

3—1230

Подстрочник[1]

О мой многочисленный
народ, мои казахи,
мой бедный народ...
Ты не различаешь доброго и злого.
На одной щеке у тебя кровь,
на другой масло.

Перевод Л. Шифферса.

О бедная моя страна,
народ казахский мой!
Обвисли жесткие усы
Нечесаной каймой.
Пути добра не отличал ты от стези дурной:
Одна щека твоя в крови, румянец на другой.

Перевод С. Липкина

О казахи мои! Мой бедный народ!
Жестким усом небритым прикрыл ты рот.
Кровь на правой щеке, на левой — жир...
Где же правда? Твой разум не разберет.

Класс находит, что перевод Липкина удачнее, потому что «сердечность и жалость Абая, несколько раз повторявшего «мой народ», Липкин передал лучше. Замечено также, что перевод Липкина точно и кратко передает мысль казахского поэта о том, как легко приглушить обиды народа незначительными подачками: «кровь на правой щеке, на левой жир»... Именно масло, жир, а не румянец, как переводит Шифферс, затемняя глубокий смысл абаевского упрека народу.

После сравнения переводов, делаем вывод о том, что горькая правда стихотворения вызвана любовью поэта к народу и родине, что произносит он эту правду, мучаясь.

Так возникает разговор на уже знакомую по русской литературе тему — истинного и ложного патриотизма. Учитель имеет возможность, беседуя, обновить в памяти

[1] Цитируется по книге М. С. Сильченко «Творческая биография Абая».

учащихся рассуждения Гоголя о писателях, приукрашивающих действительность и творящих над ней справедливый суд, «странную любовь» Лермонтова, отношение Некрасова к «убогой всесильной» Руси. И не только напомнить, но и углубить.

Так мы цитируем в процессе анализа уже знакомый учащимся отрывок из статьи В. И. Ленина «О национальной гордости великороссов»: «Мы помним, как... великорусский демократ Чернышевский, отдавая свою жизнь делу революции, сказал: «жалкая нация, нация рабов, сверху донизу — все рабы»... По-нашему, это были слова настоящей любви к родине, любви, тоскующей вследствие отсутствия революционности в массах великорусского населения. Теперь ее мало, но она уже есть. Мы полны чувства национальной гордости, ибо великорусская нация... создала революционный класс, ... доказала, что она способна дать человечеству великие образцы борьбы за свободу и за социализм... Мы полны чувства национальной гордости, и именно поэтому мы особенно ненавидим свое рабское прошлое...»[1]

Теперь этот отрывок помогает нам раскрыть перед учащимися общественно-политические устремления казахского поэта, любовь которого тоже была «тоскующей», но который возлагает все надежды не на социальный переворот, а на широкое просвещение народа. В силу исторических причин он не мог видеть для своего народа пути, о котором В. И. Ленин говорит в этой же статье. Вопрос о патриотизме и лжепатриотизме перерастает у Ленина в вопрос отношения к малым народам (в таком плане мы не говорили о статье на уроках русской литературы). Тот, кто душит другие народы, оправдывая это патриотизмом,— «холуй и хам», по суровому

[1] В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4, 1948, т. 21, стр. 85.

ленинскому определению. Ленин за «решительное, последовательное, смелое, революционное отстаивание полного равноправия и права самоопределения всех угнетенных великороссами наций».

Заканчивая анализ стихотворения «О казахи мои...», учитель выдвигает перед учащимися вопрос: Какой же выход предлагает Абай своему народу? Ответом на него будет знакомство со стихотворением «Наших множество детей» и 25-м словом «Назиданий».

Стихотворение «Наших множество детей...», написанное в том же, 1886 году, что и «О казахи мои, мой бедный народ», важно для уяснения общественно-просветительских взглядов Абая 80-х годов.

Перед глазами поэта — картина приема в школу казахских детей. «Ветви юные»,— нежно и взволнованно называет он подрастающее поколение. Это интонации не пророка, а просто отца, который отдал своих детей в школу и теперь вернется в аул, оставив в городе часть души. Но это только начало. Конкретный факт, частная проблема обучения развертываются в стихотворении в глубокие раздумья поэта о путях развития своего народа, об отношении к передовой русской культуре, о разнице между Россией Льва Толстого и Щедрина и Россией чиновников и бюрократов.

Сходные рассуждения, но уже заключенные в чеканную форму абаевской афористичной прозы, мы найдем в 25-м слове «Назиданий». Проблему обучения Абай ставит в зависимость от экономического положения народа («Как голодный человек сохранит разум и прилежание для того, чтобы постичь многие науки?»). Тем не менее перемен в лучшую сторону он ждет только от просвещения («Расти знания...» «Если хочешь, чтобы сын твой стал человеком, учи его, и сделаешь тем благо ему и своему народу»).

Но «наука, знание, достаток, искусство — ... у русских», поэтому Абай призывает к дружбе с русским народом. Именно в ней Абай видит возможность сохранения здоровых национальных традиций и национальной самобытности.

Абаю одинаково чужды и ненавистны как утилитарная, хищническая деятельность царизма, заинтересованного лишь в получении десятка грамотных толмачей, так и позиция некоторых соотечественников, которые «норовят при помощи русского языка поживиться за счет других казахов».

В последующей беседе с классом включаем такие вопросы: Какие мысли роднят стихи и прозу Абая? Почему поэт призывает к дружбе с русским народом? Существовало ли для него две России?

Подводя итог, учитель может определить словами самого Абая суть патриотических воззрений поэта:

1. «Скудность достатка, раздоры между родичами толкают людей на плутни, насилия и воровство».

2. «Узнавай у русских доброе... Если ты этого достигнешь, то научишь свой народ и защитишь его от угнетения».

3. Только знания «помогают избежать пороков» и по-настоящему любить свой народ, ибо «невежественный человек способен продать отца, мать, всех родных и близких первому русскому чиновнику, который похлопает его по плечу».[1]

Учащиеся придут к мысли, что любовь Абая к Родине была действенной и требовательной, в первую очередь, к себе как человеку и поэту, а затем к своему народу. Оттеним гражданское мужество Абая и характер его «тоскующей» любви к отчизне таким контрастным

[1] Абай Кунанбаев, Собр. соч. в одном томе, стр. 363—364.

примером: расскажем о казахском поэте Шангирее Букееве, который пришел в литературу после Абая и в тиши своей усадьбы на Волге (он состоял в списке самарского дворянства) воспевал ханское прошлое, охоту и наслаждался стихами русских поэтов «чистого искусства».

И вот он забыт, а имя Абая дорого всем разноязычным народам нашей страны [1].

«ТЫСЯЧА ВОПРОСОВ»

Богатые возможности в формировании высоких моральных качеств дают «Назидания» Абая, содержащие высказывания по философским, нравственным, эстетическим, историческим и экономическим вопросам.

Е. Лизунова образно определила сорок пять «Слов» абаевских «Назиданий» как «тысячу вопросов, которые поставил перед современниками Абай» [2].

Это голос поэта, обращенный к народу. Голос, который в других исторических условиях мог бы превратиться в страстную публичную защиту своих идей, как у Грановского, в политический пафос журнальных статей, как у Белинского, в печатную исповедь, услышанную тысячами людей, как у Л. Толстого. Абай же мог рассчитывать только на то, что заученные единомышленниками, его откровения прозвучат в юртах, чередуясь с народными преданиями и сказками.

Обращенные к «казахам старшего поколения», «Назидания» поэта во многом сохранили свою воспитательную ценность и охотно читаются учащимися. Причиной

---

[1] Пример приводится по книге М. С. Сильченко «Творческая биография Абая».

[2] Е. Лизунова. Современный казахский роман, стр. 319.

этого являются высота нравственного идеала Абая, глубина его духовных запросов. Он, кочевник, чья жизнь зависела от поголовья скота, чьи радости веками связывались с теплом и сытостью, мог сказать: не в скоте, не в богатстве, не в родовом почете счастье. Отбросив классовые и национальные предрассудки, Абай много думал о чувстве человеческого достоинства: в чем оно? что может быть мерилом ценности человека? Ответы казахского мыслителя на эти вопросы позволяют учителю выдвинуть моральные проблемы не абстрактно, а в плане конкретных требований человека к самому себе, дадут возможность учащимся проанализировать свое отношение к труду, знаниям, друзьям, людям других национальностей.

Воспитательные задачи, выдвигаемые учителем, и сама форма абаевских «Назиданий» — истина, рождающаяся в потоке вопросов к себе и другим,— подсказывают и форму проведения урока: не лекцию, не доклады, а высказывания учащихся на тему: «С чем я согласен в абаевских требованиях к человеку?»

Подобное занятие требует предварительной подготовки, потому что в оценках литературной классики мы часто наблюдаем у учащихся смещение исторического плана, что приводит к искусственной модернизации произведений прошлого, либо к безапелляционному объявлению их устаревшими.

На «Назиданиях» Абая — печать эпохи и сложного мировоззрения поэта. Перед нами мыслитель, не подозревающий в конце XIX века о прибавочной стоимости и переводящий экономические проблемы в моральный план («...ремесленник, продающий без обмана то, что он сделал своими руками,— лучший из казахов»)[1].

---

[1] Абай Кунанбаев, Собр. соч. в одном томе, стр. 379.

И в то же время Абай отдает себе отчет в том, что жалкое экономическое положение народа — причина его духовной отсталости («А мирные люди, люди овечьей породы, не могут меня слушать, потому что они не обеспечены пропитанием»)[1]. Рядом с тревогами и заботами народа, толкаемого на путь капиталистического развития, с тревогами, важными для понимания мировоззрения и времени Абая, живут мысли, записанные как будто сегодня: «Правое дело не должно бояться проверки разума»[2]— и это утверждение законности человеческих сомнений так хорошо сочетается с требованием преданности выстраданным идеям: «...если достигнешь истины, но не отступай от нее даже под угрозой смерти»[3].

Определить отношение к «Назиданиям» поможет учащимся справка, предварительно данная учителем: история создания «Қарасөз», тематика и жанр, упоминание о литературных и научных источниках, отразившихся на высказываниях Абая, и рекомендация прочесть определенные высказывания[4].

Особо следует сказать об отношении поэта к религии, потому что некоторые из поучений имеют религиозную окраску и содержат ссылки на ислам. Учитель пояснит, что в «Назиданиях» есть элементы религиозности, что в ряде положений Абай опирается на религиозные догматы, но в целом он за разум человека, за его активную волю. Но даже в тех случаях, когда он обращается к религии, он ищет в ней рациональное начало. Ему чужда слепая вера, на которой настаивает всякая религия.

---

[1] Абай Кунанбаев, Собр. соч. в одном томе, стр. 335.
[2] Там же, стр. 372.
[3] Там же, стр. 378.
[4] Мы рекомендуем слова: 1, 2, 6, 8, 9, 17, 18, 21—23, 25, 27, 30, 32, 33, 34, 37, 39.

Понять позицию Абая поможет параллель к русской литературе. Учитель знакомит учащихся с признанием Абая из 34-го слова:

«Я думаю, что нельзя назвать казахов истинными мусульманами... Земные дела держат их... Если встретится казаху две вещи — одна из них будет нужна для земной жизни, а другая для будущей,— ... он возьмет земную радость, а вторую оставит, полагая, что приобретет ее при следующей встрече» [1].

Если ассоциация к мыслям Белинского, знакомым учащимся по «Письму к Гоголю», не возникнет сразу, учитель может способствовать ее рождению наводящим вопросом: В каком документе русской литературы вы уже слышали сходные мысли о жизнелюбии народа, о его трезвом разуме и равнодушии к религии? (Возможно наводящее добавление и к вопросу: «В. И. Ленин назвал этот документ «одним из лучших произведений бесцензурной демократической печати...»). Окончательному утверждению параллели способствует цитирование: «Русский народ не таков: мистическая экзальтация вовсе не в его натуре; у него слишком много для этого здравого смысла, ясности и положительности в уме: и вот в этом-то, может быть, и заключается огромность его исторических судеб в будущем» [2].

Параллель к Белинскому поможет учителю убедительно раскрыть и силу, и слабость просветительских взглядов Абая. Учитель напоминает классу слова великого критика: «Россия видит свое спасение... в успехах цивилизации, просвещения, гуманности...» — учащиеся согласятся с тем, что и Абай думал так же. Белинский считал неотложной задачей «пробуждение в народе чув-

[1] Абай, Собр. соч. в одном томе, стр. 381—382.

[2] «Литературное наследство», т. 56, В. Г. Белинский, II, 1950, стр. 576.

ства человеческого достоинства, столько веков потерянного в грязи и навозе...» — разве не об этом же заботился и Абай!

Но революционный демократ Белинский, возлагавший надежды на революционное общественное преобразование, мог сказать с атеистических позиций: «...в словах бог и религия вижу тьму, мрак, цепи и кнут...», и радостно приветствовал антирелигиозную настроенность своего народа. А просветитель Абай удручен своими верными наблюдениями за народом, потому что он ищет прочную основу для морали, не связывая эти поиски с идеей революции.

После этих разъяснений учитель в беседе выясняет, что же привлекает учащихся в абаевских требованиях к человеку. Высказывания учащихся свидетельствуют о том, что проза Абая дает богатую пищу для размышлений, для самостоятельных суждений.

Юлия К.: «Назидания» Абая очень богаты по содержанию. Тут и про смысл жизни, и про счастье, и про труд, и про свой народ, и многое другое...— и все это нужно для нашего времени. Но, по-моему, главное — отношение к другим народам. Абай считал раздоры и вражду громадным злом. Он спрашивал в 39-м слове: «Почему люди, жаждущие мира, быстро от него утомляются?» Я тоже спрашиваю себя об этом, когда слышу по радио, что американцы опять бомбят во Вьетнаме».

Евгений Т.: «Абай правильно говорил, что если народом управляют «дельцы, шустрые и хитрые», то они могут воспитать его в злобе и натравить на другой народ. Так оно и было, если вспомнить историю».

Олег Ю.: «Абай верил в человеческий разум и ответ за все спрашивал с человека. Вот послушайте из 28-го слова: «...бог — творец добра и зла, но не он заставляет их совершать. Бог создал богатство и бедность, но не бог

создал тебя бедным и богатым. Если ты так поймешь веру, то это еще на что-то похоже, иначе все пусто». Значит, человек сам отвечает за свои дела и поступки. Значит, спрашивается с него...»

Обмен мнениями по «Наставлениям» Абая, как и всякая беседа в классе, требует от учителя умения направлять разговор, выслушивать учащихся, тактично комментировать их выступления, выяснять вместе с ними истину, а не навязывать ее, открывать заново в тексте то, мимо чего они прошли дома.

Так, мы обратили внимание класса на 23-е слово поэта, содержащее важный в воспитательном отношении момент. Абай подвергает в нем критике тех, кто утешает себя, равняясь на худших: «Слушай, казах: разве тебе бог сказал, что достаточно быть лучше самого худшего?.. Если есть люди невежественнее и сквернее тебя, то разве ты хорош? Человек может стать хорошим, сравнивая себя только с хорошим»[1].

«Назидания» обогащают учащихся и эстетически. Учитель, подводя итоги, отметит образность «Қарасөз». «Мы не сеем хлеба, но мы сеем раздоры, мы выращиваем ложных свидетелей, которые могут подтвердить, что они видели то, чего они не видели, и слышали то, чего не слышали»[2]. Обратит внимание на беспощадную меткость языка Абая-обличителя: «Старшины живут обманом, и войлок под их задами постелен хитростью, и они посажены на него неправдой»[3]. Покажет богатство абаевских поэтических приемов: сравнений, метафор, повторений слов для усиления их смыслового значения (например, характеристика бая и волостного старшины:

[1] Абай, Собр. соч. в одном томе, стр. 360—361.
[2] Там же, стр. 324.
[3] Там же.

«Честь, бесчестье, разум, наука — все это для них ниже скота. Для них религия — скот, народ — скот, знание — скот, совесть — скот»)[1].

В числе многих нравственных проблем в творчестве Абая большое место занимает вопрос об отношении к женщине, раскрытый особенно полно в любовной лирике поэта.

Творчество Абая, который утверждал, что женщину красит чувство собственного достоинства, а мужчину — бережное отношение к ней, что в любви только бедные духом ищут утеху, для сильных она подвиг благородства, помогает воспитывать нравственность. «Впервые в казахской литературе так отчетливо и на такой высоте высказано новое отношение к семье, к родительскому долгу, к воспитанию молодого поколения и, главное, к женщине»[2],— писал М. Ауэзов о нравственной атмосфере творчества Абая, которая заставляет вспомнить слова Белинского, сказанные о Пушкине: «Есть всегда что-то особенно благородное, кроткое, нежное, благоуханное и грациозное во всяком чувстве Пушкина. В этом отношении, читая его творения, можно превосходным образом воспитать в себе человека, и такое чтение особенно полезно для молодых людей обоего пола»[3].

Начнем с того, что подчеркнем общее в гуманных идеалах двух поэтов. Спросим класс, почему образ Татьяны Белинский назвал литературным подвигом Пушкина. Отталкиваясь от этого, вспомним позицию передовой русской литературы по женскому вопросу и используем восстановленные в памяти учащихся факты для контрастного сопоставления с положением женщи-

---

[1] Абай, Собр. соч. в одном томе, стр. 334.

[2] М. Ауэзов. Предисловие. Абай, собр. соч. в одном томе, М., 1954, стр. 25.

[3] В. Белинский. Избр. соч. в одном томе, стр. 405.

ны в национальных окраинах: когда в результате общественного подъема передовые русские женщины отвоевывали себе возможность заниматься общественным трудом и наукой, когда русская крестьянка ценилась в своей среде хотя бы за то, что была работницей наравне с мужчиной, казахская женщина переживала ужас полнейшего бесправия. (Учащиеся проиллюстрируют это положение знакомыми им фактами). Подытоживая сказанное, учитель подведет учащихся к пониманию глубокого социально-политического и морального значения стихов поэта о чувстве, которое, казалось бы, затрагивает и интересует только двоих: «В степи, где ценность женщины определялась количеством голов скота, где она была рабыней, игрушкой, вечной слугой мужа и родных, где она превращалась в старуху, не успев расцвести, поэт-гуманист поднял голос в ее защиту».

Порекомендуем для домашнего чтения ряд стихотворений: «Джигиты, дорог смех, не шутовство...», «Шлю, тонкобровая, привет!», «Ты — зрачок глаз моих...»

Для ознакомления в классе берем стихотворение «Белый лоб — серебро, чей тонок чекан»... и зачитываем в переводе М. Тарловского первую часть его.

Самое трудное в анализе — не допустить «подмены могучих импульсов искусства протестантскими рационально-моральными заповедями», не «уничтожить его действие, для того чтобы раскрыть его значение»,— как писал А. С. Выготский в «Психологии искусства».

Нравственное и эстетическое воздействие стихотворения начнется с того, что учащиеся вначале должны испытать то же чувство восхищения луноликой красавицей, какое испытывал поэт, описывая ее. Вспомним утверждение Ю. Э. Озаровского о том, что «...элемент произносимого, звучащего «живого» слова... является вполне аналогичным элементу рисунка во всех видах

живописи»[1]. Постараемся, чтобы выразительность чтения способствовала возникновению яркого зрительного образа в воображении учащихся.

Проверим впечатление и углубим его при помощи анализа поэтической речи. Вновь воспользуемся возможностью сравнить художественные переводы, сделанные разными поэтами.

М. Тарловский	М. Луконин
Белый лоб — серебро, чей тонок чекан. Он глазами лучистыми осиян. Словно вычерчен двух бровей полукруг. Облик юной луны красавице дан.	Подобен серебру Чеканному Широкий лоб резной, Глаз крупные зрачки Кидают зной. А брови так тонки, Как будто кто нарисовал. Напоминают новый месяц В вышине сквозной.

С помощью учителя класс находит неточные выражения второго варианта (лоб не может быть «резным»), обедненные образы («крупные зрачки», «кидающие зной»,— это чисто физическая притягательность, тогда как сияние «лучистых глаз» — это и красота души), громоздкие, утяжеляющие сравнения второго варианта и образный лаконизм первого («двух бровей полукруг»).

Нос ее — словно выточен на лице. Кто расскажет, как цвет ее щек румян.	Точеный носик продолжает Лба умного овал. Волнует щек живым румянцем, шеи белизной..,

Учащиеся находят, что «носик» сентиментально, что у лба нет овала. Вторая строка второго четверостишия у М. Луконина («волнует щек живым румянцем...») ка-

[1] Ю. Э. Озаровский. Вопросы выразительного чтения, СПБ, 1911.

жется холодной по сравнению с энергичным вопросом: «Кто расскажет, как цвет ее щек румян?» — ведь поэту хочется обратить внимание всего мира на красоту любимой.

Эти гладкие пальцы ловки в шитье,
Локоть — нежный младенец, что
всеми ждан...

Как тело нежное мальца,
Рук линии нежны,
Пальцы, легкие в работе,
Плещутся волной...

Отмечают, что русское просторечие «малец» не на месте в этом воспевании восточной красоты, и т. д.

Сравнение переводов вырабатывает зоркость и требовательность к поэтическому слову, приучает ценить емкость образных выражений, точность сравнения и эпитета, а значит помогает ярче представить идеал национальной женской красоты, воспетый Абаем: смоль волос, блеск зубов, румянец, облик юной луны.

Ценность стихотворения заключается в том, что Абай дает внешнюю красоту как красоту естественную и одухотворенную. В абаевском идеале женской прелести есть то, что делает поэта выразителем народного понимания красоты. Находим по тексту эти моменты: пальцы не только гладкие, но и ловкие в шитье, речь не только приятная, но и «мудрая», «не знающая обмана»... Женщина — не игрушка и забава, а помощница в труде и советчица в жизни. Так мы приводим класс к выводу, что Абай пишет не только о физической красоте, но и о красоте внутренней: о трудолюбии, скромности, уме.

Затем анализируем композицию стихотворения: читаем в отрывках вторую часть, в которой поэт рисует красоту, увядшую от неразборчивости. Абай дает суровую оценку отрицательным явлениям быта: осуждает удальцов, щеголяющих своей распущенностью, и «лицемерных блудниц», довольствующихся любовью на час.

Подчеркнем, что нечистоплотность и неразборчивость в любви Абай связывает с бездельем. Красота и труд, любовь и верность неотделимы для поэта. Любовь, в его понимании,— это большая радость и большая обязанность человека:

А того, кто жил не любя,
Человеком назвать нельзя.
Пусть ты наг и нищ — у тебя
Все же есть семья и друзья, ·

— зачитываем строки из стихотворения «О любви, душа, молишь вновь...»[1]

Логично на этом же уроке рассказать о характере абаевского перевода романа «Евгений Онегин», о том, что казахский поэт прочел «Онегина» внимательнее многих русских читателей, которые приняли героя за безнравственного человека, так что Белинский должен был выступить в его защиту. В переводе Абая подчеркнуты сдержанность, благородство, уважение друг к другу Онегина и Татьяны.

Проиллюстрировать эту мысль целесообразно не стихами перевода (этот двойной перевод—с русского на казахский и с казахского вновь на русский — может вызвать недоумение учащихся). Как мы уже говорили, лучше обратиться к эпизодам эпопеи М. Ауэзова «Абай» и «Путь Абая»: в них раскрывается духовная история восприятия Абаем романа Пушкина, убедительно обосновывается национальный аспект в решении темы любви Онегина и Татьяны.

Ограниченность во времени не позволяет на уроке познакомить учащихся с другими образцами глубоко гуманной любовной лирики поэта. Продолжением знаком-

---

[1] Абай, Собр. соч. в одном томе, стр. 144.

ства будет внеклассная работа: прослушивание в грамзаписи лирических песен на слова Абая и выразительное чтение учащимися его стихов («Жгут тяжелой косы — в руку толщиной...», «О любви, душа, молишь вновь...», «Ты — зрачок глаз моих» — в отрывках), а также литературно-музыкальная школьная радиопередача «Песни Абая».

Эта работа способствует возникновению ассоциаций и к отдельным пушкинским стихам, и ко всей нравственной атмосфере пушкинского творчества. И это естественно.

Я ж тебя любил: будь счастлива ты,
Даже если мне суждено пропасть.

Когда читаешь эти благородные строки о любви, лишенной какого бы то ни было эгоистического чувства в отношении к любимой женщине,— пишет М. Каратаев,— невольно вспоминаешь пушкинские стихи, в которых Белинский видел «трогающую душу гуманность»:

Я вас любил: любовь еще быть может... [1]

Как свидетельство отклика на «трогающую душу гуманность» казахского поэта приведем отзыв десятиклассницы Лидии М. о радиопередаче «Песни Абая»:

«Из всех передач за год мне больше всего запомнилась передача о лирических стихах Абая. В ней принимал участие инженер нашего комбината, участник самодеятельности Дворца металлургов. Он пел песню Абая «Каламкас-ай». Мне казалось, что его голос летит не по школьным классам, а над степью, посылая привет чернобровой. Я потом купила такую пластинку. Песню испол-

---

[1] М. Каратаев, Рожденная Октябрем, Казгосиздат, Алма-Ата, 1958, стр. 84.

няет казахская хоровая капелла, и каждый раз, когда я ее слушаю, меня охватывает предчувствие чего-то большого, тревожного и радостного в моей жизни...»

ПЕВЕЦ СТЕПИ

Стихи Абая о природе по яркости, эмонациональности и доходчивости — лучшие его стихи по силе их эстетического и нравственного воздействия на русских учащихся. Знакомство с ними еще раз подчеркнет новаторство и демократизм поэта, потому что, по свидетельству М. Ауэзова, «никто в казахской литературе до Абая не писал о четырех временах года, сочетая живо воспроизведенный пейзаж с картинами аульного быта, с зарисовками жизни трудового люда, противопоставляя праздному ханжескому быту баев обездоленность народа»[1].

Стихи о природе позволят убедиться в глубоких творческих связях поэта с русской литературой, обогатят чувства учащихся, ибо их «совершенная поэтическая форма вызывает у читателя видения и чувства, близкие по силе тем, которые возбуждает пушкинский стих, рисующий русскую зиму, осень, весну, лето...»[2]

Стихи Абая о природе воспевают родину большинства наших учащихся, в откликах на них неизбежно скажутся личные впечатления школьников, их эстетический опыт общения с природой.

Урок можно начать вопросом, ответ на который подготовило изучение русской пейзажной лирики: Какие стихи русских поэтов о родной природе вы помните?

---

[1] М. Ауэзов, Мысли разных лет, стр. 13.
[2] Там же.

Учащиеся называют и цитируют в отрывках стихи Пушкина, Лермонтова, Никитина, Некрасова...

Высказывания учащихся учитель объединит обобщением о том, что любовь к природе была для русских поэтов неотъемлемой частью их патриотических чувств. В духе начавшейся беседы строим вводную часть урока:

«Абай к 80-м годам прочел многое из того, что вы сейчас назвали. Он видел, как любовь к родной земле выливалась у русских поэтов в стихи о ее степях, о колыханье ее безбрежных лесов, о ее зимних дорогах под звон колокольчиков. Его же степь лежала перед ним никем не воспетая...»

Не менее важно определить место пейзажной лирики во всем творчестве Абая. Говорим учащимся, что пейзажный цикл создан поэтом в те же годы, что и стихи «О казахи мои, мой бедный народ», «Наших множество детей...», «Наконец, волостным я стал...», что восприятие родной природы у Абая неразрывно связано с мыслями о судьбах народа. Эта предпосылка нужна не только для понимания социальной значимости стихов поэта о природе, но и для глубокого понимания его связей с русской литературой.

Литературное влияние учащиеся зачастую понимают как сходство деталей: «у Пушкина воспето четыре времени года, и у Абая. Значит, Абай похож на Пушкина». «У Некрасова сказано, что мороз трещит по замерзшей земле, и у Абая. Значит, Некрасов влиял на Абая».

Учитель должен показать, что, учась у другого писателя, большой поэт осуществляет это в своей национальной и индивидуальной манере, что влияние одного писателя на другого можно сравнить,— как говорил Белинский,— с солнечным лучом, пробуждающим движение соков в растении или организме.

В данном случае таким лучом для Абая была тради-

ция русской литературы отображать как единое целое красоту родной земли и людей, которые трудятся на ней. С этой позиции мы и знакомим учащихся со стихотворением «Осень».

Выразительно его прочитав, закрепляем беседой впечатление. На вопрос, какое чувство оставляет стихотворение, учащиеся отвечают: «Грусть...», «Стало тоскливо...», «Как будто это я сижу в дырявой юрте и гляжу в пустую степь». Они делают вывод, что природа кажется особенно печальной от вида дырявых юрт, озябших стариков, голодных собак.

Подчеркнем, что степь дана в восприятии казаха-кочевника, который дрожал под порывами ветра, боялся за судьбу скота, боролся с природой, чтобы выжить. Тоска Абая не только от времени года, тоска от кочевой жизни. В подлиннике это звучит сильнее.

Предлагаем сравнить последнее четверостишие в русском переводе А. Гатова с подстрочным переводом по таким вопросам: Одинаково ли представлена степь у поэта и переводчика? Точно ли передано отношение Абая к кочевому образу жизни?

Подстрочник

Трава вокруг иссякла, осенняя стоянка в пыли.
Туман, бьет ветер, пылит буран.
Печален вид юрты, когда огонь не горит.
Пусть сгинет казахский обычай, пугающий стан!

Перевод А. Гатова

Ветер пыль поднимает — над степью черно.
Осень, сыро. Но так уж заведено —
Плох обычай! нельзя разжигать очага.
В наших юртах теперь неуютно, темно.

Сравнение еще раз позволит обратить внимание учащихся на удивительно точную и немногословную манеру Абая в описании.

Приводим комментарий ученика-казаха Жакупа А., который уловил неточность перевода: «В степи холодно и пыльно, а не сыро. Дождь недалек. Абай пишет: «Бьет ветер» — это значит хлопает кошма юрт, по степи кружится столб пыли, земля возле юрты лысая, вытоптанная. А по переводу я не вижу этого».

Учащийся справедливо отметил, что перевод приглушил чувство осуждения в абаевской концовке стиха: «Плох обычай! — это одна степень осуждения, а «Пусть сгинет казахский обычай!» — осуждение, вдвое сильнее.

Продолжая знакомить с пейзажной лирикой Абая, читаем в классе стихотворение «Лето» и даем задание записать дома свои впечатления на тему: «Что я узнал о жизни казахского народа по стихотворению «Лето»?

Ответы свидетельствуют об эстетической радости, которую доставило стихотворение.

«Читаю стихотворение «Лето» и переношусь туда, где гуляют на воле конские косяки, стоят юрты, пахнет травой, цветами и кумысом...»—пишет Люба С.

Но радость от солнечного жизнеутверждающего пафоса стихотворения омрачена мотивом социальной несправедливости, уловленным учащимися.

Пишет Валерий Ш.: «Стихотворение «Лето» жизнерадостнее, чем «Осень». Это мы чувствуем не только по описанию природы, но и обыденной жизни казахов. Поэт воспевает картины, встречающиеся каждый день. Кажется, что ничего в них особенно прекрасного нет. Девушки ставят юрты (но у девушек ловкие руки и лукавые губы). Слышится ржанье коней (но трава такая высокая, что кони тонут в ней). Кобылиц кусают мухи (но пастух весело гикает, потому что здоровые, сытые кобылицы — это приплод, это довольство для казахов). Абай описывает все это с любовью. Ему дорого все, как Пушкину «серенькое небо, калитка, сломанный забор»,

как Лермонтову березы, полное гумно и говор мужиков... Живописную природу портит отвратительный бай, тот же помещик, у которого простой народ находился в кабале. Поэт пишет, что бай оглядел скот на пастбище и даже помолодел. Это говорит о жадности бая, о его понимании счастья. Аксакал старается услужить баю, надеясь на угощение. Зря старается. Я уже видел этого бая в «Размышлениях у парадного подъезда» Некрасова, в картине Перова «Чаепитие в Мытищах». Абай, как и русские поэты и художники, любил природу своей Родины, свой народ и презирал его угнетателей».

Из работы Нели К.: «Абай взял обыкновенный день, но рассказал о нем, как о празднике. Девушки, лукаво смеясь, ставят юрты. У охотников богатая добыча. Стада в полном порядке. В юрте прохладно, свежей струей бьет кумыс. Над самоваром пар, как белое облачко. В юрте сытость и покой. Баю лень говорить. И вдруг мы замечаем лицемерных гостей, а потом голодного пастуха. И усталых табунщиков... И жалкого аксакала. Поэт говорит, что природа может быть щедрой. Она бросила яркие краски в степь. Но сытость по-прежнему живет рядом с нуждой. Народ кланяется, выпрашивает кусок, а бай, как все богатые, глух к бедам народа. За летом будет осень...

Анализируя письменные работы, отмечая их положительные моменты, учитель обращает внимание всего класса на то, что стало достоянием при самостоятельном чтении не всех учеников. Так, процитированные выше сочинения отметили существенную черту абаевского творчества, которую мы даем в формулировке М. Ауэзова: «Почти никто из поэтов казахской степи до Абая не воспевал труд, как достойное выражение человеческой воли и энергии». И далее: «Абай почитал и превозносил тру-

довой люд, посмел в те времена поставить его выше богатой и праздной аульной аристократии»[1].

Демократическая и гуманистическая настроенность казахского поэта действительно роднит его с лучшими русскими поэтами: с Пушкиным и Лермонтовым. Это почувствовали многие учащиеся и органично провели параллель в своих сочинениях.

Уточнение, развитие, дополнение того, что уже было высказано учениками в сочинениях, становится содержанием работы на уроке. Анализ ученических заданий сливается с анализом стихотворения, проведенным под руководством учителя.

Продолжим знакомство с пейзажной лирикой поэта. Отрывки из «Весны» — этого «праздника ликования людей и природы»[2] заразят учащихся жизнелюбием и оптимизмом; «Зима» — зачарует их блеском реалистических красок, «Ноябрь — преддверие зимы...» — вновь дохнет печалью.

Вместе с поэтом учащиеся переживут богатую гамму настроений и чувств — от упоения жизнью до глубокой скорби. В таком восприятии природы, в новом взгляде на быт и уклад кочевого казахского аула, в пронизывающем все поэтическом настроении сказывается новое качество мыслей и чувств поэта, до него небывалое в казахской литературе и позволяющее провести обобщающую параллель к творчеству русского поэта, который тоже «не нуждался в выборе поэтических предметов для своих произведений...», ибо для него «все предметы были равно исполнены поэзии... и благодатная весна, и жаркое лето, и гнилая дождливая осень, и морозная зима...»[3]

---

[1] М. Ауэзов, Мысли разных лет, стр. 14.

[2] Л. Соболев, Предисловие, Абай. Собр. соч. в одном томе, 1954, стр. 7.

[3] В. Г. Белинский. Избр. соч. в одном томе, стр. 400.

Раздумья над уже известной учащимся мыслью Белинского о том, что русский поэт не искал красот под чужими небесами, что они были у него под рукою, «здесь, на Руси, на ее плоских однообразных степях, под ее вечно серым небом, в ее печальных деревнях и ее богатых и бедных городах»[1],— позволяют сравнить Пушкина и Абая в главном — в гуманизме, в патриотизме и реалистическом изображении жизни.

Нравственное и эстетическое воздействие на учащихся стихов Абая о природе мы закрепим заучиванием по желанию отрывков из цикла стихов о четырех временах года и классным сочинением на тему: «Родная природа в лирике Пушкина и Абая».

Особо надо сказать о результатах письменной творческой работы, проведенной год спустя после изучения творчества казахского поэта при повторении: «Что нового увидел я в родной степи после чтения стихов Абая?». Сочинения свидетельствуют о том, что лирика казахского поэта обострила восприятие родной природы и активизировала жизненные впечатления учащихся. Заметно стремление увидеть поэзию и красоту в обыкновенном, привычном, связать впечатления от природы с нравственными раздумьями, подметить национальный колорит и выразить свое отношение к казахскому народу.

Приведем несколько отрывков из сочинений учащихся.

Пишет Валентина В., работавшая летом в геологоразведочной партии: «Необозримый простор и солнце... Неужели в мире есть другая такая земля? Ни звука. Тишина. Хоть бы чирикнула птица. Только ящерицы снуют среди сухой колючей травы. Крикнуть бы, да ведь и эхо не откликнется. Как, наверное, затерянно чувство-

---

[1] В. Г. Белинский, Избр. соч. в одном томе, стр. 400.

вал здесь себя человек, если он был одинок, как «могила шамана»... Наша машина мчит после работы домой. Делаем остановку у казахского кочевья, чтобы набрать пресной воды. Из глубокой холодной ямы тянем ведро, и вода леденит зубы. Молчаливый и нелюбопытный аксакал поит лошадей. Наш смех и разговоры не доходят до него, как жара не проникает сквозь его толстый ватный халат. Равнодушно поглядывают на нас голые остриженные верблюды, толстые коровы ждут своей очереди у длинного деревянного желоба... Надо уходить в веселую тесноту машины.— Практика? Жаксы, очень хорошо,— неожиданно говорит аксакал. Как, действительно, хорошо чувствовать себя бодрым и освеженным! Может быть, для кого-то наша природа бедна, но она заставляет меня любить жизнь, чувствовать интерес ко всему живому, порождает представление о громадности мира и не позволяет замыкаться в себе».

Пишет Сауле О., которая побывала на родине отца, близ Аягуза. «Так приятно было идти по мягкой, как кииз, траве. Среди группы деревьев папа узнал два сросшихся дерева, которые он в детстве называл кос агаш. Папа вспомнил, как он с друзьями пас баранов и отдыхал под ними... Джайляу располагалось у подножия горы Чубартау, что означает пестрые горы. Я в первый раз увидела, кроме серых камней, красные, желтые, белые... Все это вспомнилось мне, когда я перечитывала стихи Абая. Будто я снова побывала на том джайляу, где рос мой папа, где пожилая женщина ткала алаша, а молоденькая келин улыбалась мне, накладывая угли в самовар, ...и косы у нее были в руку толщиной...»

Отрывок из работы Александра П.: «Странно действует на меня степь. Весной она заставляет меня думать о чем-то сокровенном и нежном, о чем я в другое время никогда не думаю, летом — о большом и полез-

ном. Когда я смотрю в даль, меня вдруг начинает преследовать образ человека-великана, распахивающего целину. В человеке-великане я вижу себя... А когда я тренируюсь перед соревнованиями, степь мне кажется населенной моими противниками. И я бегу, обгоняя кусты... Степь — это целый мир. И, по-моему, даже Абай сказал о ней не все...»

В приведенных сочинениях чувствуются отзвуки творчества Абая («затерянно чувствовал здесь себя человек, если он был одинок, как «могила шамана...». «И косы у нее были в руку толщиной...»). Но дело не в отдельных запомнившихся поэтических выражениях, а в любви к казахской природе, в чувстве Родины, одинаково близкой русским и казахам. Не эти ли чувства и стремились мы вызвать, знакомя учащихся с пейзажной лирикой Абая!

АБАЙ БЫЛ КАЗАХСКОЙ ВЕСНОЙ

В раскрытии монографической темы большое значение имеет последний аккорд — заключение учителя. Мы построили заключение на обобщающей параллели к творчеству Пушкина, используя высказывания А. В. Луначарского о русском поэте.

В статьях о литературе Луначарский дает поэтическую оценку деятельности Пушкина-новатора, оценку, которая невольно вызывает в памяти имя казахского поэта: «Пушкин был русской весной... Он много страдал, потому что пришел первым... Он много страдал, потому что его чудесный, пламенный, благоуханный гений расцвел в суровой, почти зимней, почти ночной еще России... Он первый пришел и по праву первого захвата овладел

самыми великолепными сокровищами... И овладел рукою властной, умелой и нежной...»[1]

Поясняя сходство, учащиеся еще раз вспомнят место Абая в казахской литературе, существенные моменты его жизненного и творческого пути. Они сопоставят условия «зимней, почти ночной России» с «трудным временем», на которое пришлась жизнь казахского поэта.

Слова «Он много страдал» заставят вспомнить не только ссылки Пушкина, цензурную травлю и политическое убийство русского поэта, но и жандармские обыски в кочевье казахского поэта, покушение на его жизнь со стороны феодально-байской реакции, страдания от духовного одиночества. «Мысль о «великолепных сокровищах», которыми поэт овладел «по праву первого захвата»,— это мысль о многогранности таланта Пушкина. Но эти же слова напоминают учащимся о том, что Абай обогатил казахскую литературу новой тематикой, сблизил ее с действительностью, показал пример нового отношения к женщине, к воспитанию молодежи, к самой роли поэта в жизни народа, первый создал в своей пейзажной лирике опоэтизированный образ родной земли, обогатил казахскую литературу одиннадцатью новыми стихотворными формами, разработал виды лирической поэзии.

Внеклассные беседы, анкетные опросы и наблюдения за учащимися показали, что творчество Абая оставило в их памяти яркий след, имя его стало своим и привычным, как имена русских поэтов, знакомые с детства. Афоризмы казахского поэта не раз служили аргументами в школьных спорах. Факты его жизни, его отношение к труду и науке сделались нравственной мерой для учащихся.

---

[1] А. В. Луначарский, Статьи о литературе, Госиздат, М., 1957, стр. 141—142.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ВЕЧЕР, ПОСВЯЩЕННЫЙ ТВОРЧЕСТВУ АБАЯ

Закончить изучение творчества Абая можно проведением литературного вечера, цель которого пополнить знания учащихся о великом казахском поэте, максимально приблизить его творчество к миру русских школьников, пробудить творческие возможности детей.

Центральная часть программы вечера — литературно-музыкальная композиция, составленная нами по роману М. Ауэзова «Абай».

К исполнению литературно-музыкальной композиции желательно привлечь учащихся казахской школы (для отдельных ролей и игры на национальных инструментах).

Приводим содержание вечера.

(Занавес закрыт. Перед ним появляется учитель или староста).

Учитель (или староста литературного кружка):

Сегодня учащиеся казахской и русской школ собрались вместе на литературный вечер, посвященный классику казахской литературы Абаю Кунанбаеву.

Сегодня мы мысленно переносимся на сто с лишним лет назад, чтобы увидеть казахскую землю такой, какой знал ее Абай.

Звучит в грамзаписи одна из песен Абая. На заднике сцены возникает изображение казахских просторов — через эпидиаскоп.

1-ый ведущий: Беспредельными просторами раскинулись степи Ералы, Ойкодыка, Корыка... просторная Родина глубоко несчастного казахского народа.

Нужд его не перечислить, несчастий не рассказать. Его донимают насилием, разоряют взятками городские начальники. Толмачи и чиновники держат за горло. А дома, в степи, его кусает за ноги свора волостных, беков с биями.

Кто вступится за народ? Кто будет думать о его нуждах?

2-ой ведущий: Слабый росток некогда пробивался в каменистой почве, потом вытянулся тонким стебельком — и одинокая жизнь зацвела на голом утесе. Слабенький росток впитал в себя все соки жизни, окреп и стал стройным, сильным чинаром. Ни зима, ни морозы, ни дикие горные ураганы ему не страшны.

Могучий чинар — Абай.

1-ый ведущий: Чем дорог народу Абай, за что его чтут люди? Его словами плакали обездоленные, горемычные матери. Его мыслями вооружались доблестные мужи. Его голосом молодежь говорила с будущим, отрекаясь от зла прошедшего, устремляясь к светлой надежде грядущего.

Ученик читает стихотворение «Поэзия — властитель языка...» в переводе *В. Звягинцевой.* Последнее четверостишие 2-ой ведущий повторяет еще раз.

2-ой ведущий:

Терпенье, совесть, гордость — не в цене,
И к мудрости и к чести люди глухи,
Не ищут знанья,— лишь в слепой возне,
Как шерсть, прядут пустую ложь да слухи.

Сам Абай упорно искал знания для себя и для своего народа, не страшась расплаты за эти поиски.

I сцена. Занавес открывается. Арестное помещение при полицейской части. Окно с решеткой. Абай читает, стоя под тусклым фонарем, подвешенным на стене. Фонарь гаснет. Абай стучит кулаком в дверь. Входит злой спросонья сторож.

Сторож: Ишь ты, киргиз, ученым заделался! И за бабушку и за дедушку в каталажке начитаться хочешь? Дня тебе мало...

Абай *(учтиво и миролюбиво)*: Подумай сам: каталажка клопов полна, покою не дают, где ж тут спать! У меня ни друга, ни утешения здесь нет, одни только книги...

Сторож: Нашел место, где учиться... В школе учиться надо, а не в тюрьме... Настоящие люди с детства учатся, а ты тюрьмы дождался. *(Заправляет фонарь керосином, выходит.)*

Абай *(держа книгу на коленях)*: Благословен народ, просветленный знанием! Если б и нам, казахам, предки оставили золотой клад знаний и просвещения!

Сторож *(заглядывая в окошечко двери)*: Кунанбаев, в дежурку! К тебе отец из аула приехал.

Абай: Отец?

Выходит на авансцену. Входят Даркембай, Ербол, Базаралы, Абылгазы.

Абай: Где же отец? Мне сказали, приехал он...

Ербол *(предостерегающе толкнув Абая локтем)*: Нынче твой отец Даркембай, иначе мы не получили бы свидания...

Абай понимающе улыбается и протягивает руки Даркембаю. Тот идет к Абаю с распростертыми объятиями.

Даркембай: Дорогой мой, единственный! Опора моя!

Абай: Кто толкнул вас в львиную пасть, друзья мои?

Даркембай: Не сидеть же тебе из-за нас... Хлопотать за тебя мы не можем — ни ума, ни уменья...

Абылгазы: Мы будем сидеть вместо тебя. А тебя ждет народ, утри его слезы. Захочешь за нас заступиться — выручишь: ты мужественный человек и умеешь бороться. Вот мы и пришли: ты выходи, а мы сядем.

Абай: Верблюд испытывается на переходе, мужественный человек — в беде. Вы доставили мне великую радость. Но почему же мне бежать от опасности *(Смеется.)* В ближайшие дни мне придется встретиться с Тентек-оязом на очной ставке, и уж, конечно, я не могу пустить Данекена тягаться с ним. *(Шутливо взглядывает на Даркембая.)* Правда, ты, Базеке, в красноречии не уступишь ни одному казаху, но позволь мне на этот раз показать и мои способности! *(Смеется.)* Возвращайтесь в аул. *(Обнимает пришедших и уходит.)*

Базаралы: Верно говорят: «Погибнет жигит, если не сыщет достойного товарища, погибнет народ, если не сыщет достойного вождя». Для меня все решено: или Абай освободится и мы вернемся радостно домой, или Базаралы не увидит больше родного аула...

Занавес.

II сцена. Кабинет военного губернатора. Входит Базаралы с кипой листов и человек средних лет в скромном городском костюме — часовщик Савельев. Офицер, почтительно склонившись, что-то шепчет на ухо губернатору.

Губернатор: Ну хорошо. И чего же они хотят?

Савельев *(поклонившись)*: Ваше превосходительство, у этого киргиза множество прошений почти из всех волостей Семипалатинского уезда. Все эти просители тоже здесь, но господин офицер разрешил пройти

только нам: вот ему, с бумагами, и мне, чтобы перевести их просьбы.

Губернатор *(сурово):* А о чем просьба?

Савельев: Все они, ваше превосходительство, ходатайствуют за уважаемого ими человека, за своего поэта Ибрагима Кунанбаева.

Базаралы спокойно подходит к столу, кладет свои бумаги.

Базаралы: Таксыр! Таксыр, кыргыз степ — слапой, адин клазес е — Ибрагим Кунанбаев *(прикрывает указательным пальцем свой левый глаз, прикрывает большим пальцем левое ухо и продолжает).* Кыргыз степ — глухой, адин ух е — апят Ибрагим Кунанбаев. Не можно Ибрагим Кунанбаев брать ат степ. Степ слапой, глухой будет. *(Закрывает пальцами другой руки правое ухо и глаз, жалобно качает головой, изображая на лице страдание.)*

Савельев: Он, ваше превосходительство, говорит, что...

Губернатор жестом останавливает его и с негодующим любопытством рассматривает Базаралы.

Базаралы: Каспадин кубернатыр нобай шалабек. Не знаит, какой шалабек Ибрагим Кунанбаев... Наш степ много пригаур послал. Много, много просит. Пускай наш пригаур пайдет санат, министр, белый сарь. Степ просит пустить нас Петербор, министр, сарь. Все найдом!

Губернатор движением руки показывает, что Савельев и Базаралы могут уйти. Оба, пятясь, выходят.

Губернатор: Видимо, этот Кунанбаев—крупная фигура в степи. Надо им заняться.

Занавес.

III сцена. Домик Михайлова. Стук в дверь. Старуха Д о м н а идет отворять.

Д о м н а: Вот ведь пристал, никак не отвяжется, до смерти надоел! *(Открывает дверь, входит Абай.)* А, это ты, Абрагим, заходи, заходи, ждет тебя твой приятель! А я думала, опять этот старый пес явился. «Твой, говорит, барин — сицилист... Ты мне скажи — кто к нему ходит, куда он сам ходит?»

А б а й *(снимая верхнюю одежду)*: Опять с Силантьевым встретились?

Д о м н а: А то как же! Он еще Сидориху подбил, соседку. Пришла я на реку белье полоскать, а она и давай меня расспрашивать... И про тебя пытают: «Чего это киргиз к вам повадился, может, твой сицилист и киргизов сбивает?»

Д о м н а уходит. М и х а й л о в, нахмурясь, ходит по комнате, подсаживается к Абаю.

А б а й: Я все хотел спросить вас, Евгений Петрович... не знаю, могу ли я спрашивать об этом?.. За что вы пошли в ссылку?

М и х а й л о в: Кружок, идеи Чернышевского, потом студенческая демонстрация... Потом арест и ссылка... Здесь меня полиция считает опасным злоумышленником — не то я новое цареубийство затеваю, не то подкоп под губернаторский дом веду... А что могу я делать?.. Эх, Ибрагим Кунанбаевич! Вот вы считаете меня каким-то вожаком общественной мысли... Преувеличиваете вы из дружбы ко мне, а на самом деле — я рядовой, да еще и отставной...

А б а й *(помолчав)*: Я понимаю, что вы и страдаете и мучаетесь... Но какой счастливый ваш народ, ваше общество! Я вижу, как расступается перед ним ночная тьма... Рассвет близок...

Михайлов: Почему вы так думаете?

Абай: Как же может быть несчастен народ, у которого заступников больше, чем обидчиков? Если у тех, кто борется за народ, такие рядовые, как вы, Евгений Петрович, что же будет, когда они расправят крылья? Горемычный народ — это не русские, а мы, казахи... Нас накрыли толстым войлоком, вот мы и лежим в темноте...

Михайлов: Помните, вы как-то сказали мне прекрасную казахскую пословицу: «След — мать дороги»,— так, кажется? Всегда начинает кто-то один, а продолжают многие. От одного зернышка колос родится... Вы— одно из таких зернышек...

Абай: Я вас понял, Евгений Петрович. Но трудно прорасти семенам, если земля скована зимней стужей...

Михайлов: Молодому казахскому поколению нужно учиться... Начните с собственных детей, пусть научатся читать по-русски... Второе—передавайте вашему народу все, что прочли сами, чему научились, что узнали... Пусть будет это слабый светильник в одинокой руке, но надо нести его в темноту! (*Прощаются.*)

Занавес

1-ый ведущий: Абай высоко поднял светильник разума в темноте степи. Он сблизил казахский народ с именами Пушкина и Лермонтова.

Ученик читает отрывок из романа «Абай» (часть II, глава «На вершине») «Айгерим исполняет письмо Татьяны».[1]

IV сцена. В юрте Абая сидят Абай, Улжан, Айгерим, дети Абая: Абиш, Магаш, Гульбадан.

Абиш: Я теперь и по-русски учусь. Как только с зимовки уехали, начал учиться!

---

[1] Чтение выиграет, если будет сопровождаться домбровым аккомпанементом.

А б а й: Ого! У кого же ты учишься? Кто здесь учит по-русски? *(Притягивает к себе мальчика и целует в лоб.)*

У л ж а н: Весной, как ты уехал в город, к нам в Жидебай приехал молодой русский жигит... Он год служил в городе толмачом, его так и зовут — бала-толмач. Пришел ко мне, говорит, что болен, приехал в аул лечиться кумысом, попросился жить у нас и учить детей по-русски... Я вспомнила, что ты этого хотел... Не только Абиш — и Магаш, и Гульбадан учатся у этого бала-толмача Баева...

А б а й *(к Айгерим)*: Ну и как учатся? Хорошо ли устроили учителя?

А й г е р и м *(улыбаясь)*: Дети учатся с большой охотой, даже по дороге на джайляу ни одного дня не пропустили... И сам толмач, видно, к ним привык — то учит, то разговаривает по-русски, а то сядет на стригуна и гоняется за Абишем! Забавные эти русские муллы! Ничуть не важничает, не гордится и детей учит шутя, все с играми... Ребятишек от него не оторвешь...

А б а й *(обняв Абиша)*: Светик мой дорогой... Как хорошо, что ты начал учиться по-русски. Я надолго отдам тебя в русскую школу... Бог даст — ты вырастешь большим ученым человеком... Это — самое мое большое отцовское желание, сынок! Меня так радует, что ты сам, без меня, начал ученье, светик мой!..

А б и ш: Хорошо, ага, хорошо.

М а г а ш (*ухватившись за пояс отца*): Отец, почему только Абиш? И я поеду в город учиться по-русски!

Г у л ь б а д а н: Отец, и я поеду! Учи и меня по-русски! Спроси у Баева, он всегда говорит, что я раньше всех научусь говорить по-русски! Я сама поеду, вот и все.

А б а й *(гладит по голове Гульбадан, целует надутые от обиды щеки Магаша)*: Ладно, осенью и вас обоих повезу с Абишем учиться... Всех повезу, обещаю вам!

А й г е р и м и У л ж а н выходят.

А б и ш: Где мы будем жить в городе, отец? У казахов или у русских?.. Вместе все трое будем жить? Лучше я буду жить отдельно у русских и учиться один!

Г у л ь б а д а н: Вот еще! Это я буду жить одна в русской семье! Там будет такая же девочка, как я, и я скорее вас выучусь!

Кладет голову на колени отца, Абай щекочет ей подбородок.

А б а й: Беззаботная моя, золотая! Ты, пожалуй, храбрее своих братьев, ты будешь жить отдельно... Всех вас хорошо устрою! Для меня нет ничего важнее вашего ученья. *(Магаш пригорюнился при мысли о разлуке с домом.)*

А ну-ка спой, Магаш! Начинай песню!

М а г а ш *(оживленно, придвигаясь к отцу)*: А какую, отец? Только я начинать не буду, боюсь, напутаю, начинай ты сам!

Г у л ь б а д а н: Ну вот! «Пусть кто-нибудь начинает!» Он совсем как жеребенок, который все назад пятится!

Все смеются, М а г а ш прячет лицо в подушку и смеется.

А б и ш: Ты думаешь, раз жеребенок пятится, так он и вперед не бежит? Откуда тебе это знать, ты же верхом не ездишь!

М а г а ш: Куда ей жеребенок, она и на овце ездить не сумеет! А вот мой жеребенок, который все пятится, летом на байге пять раз первым приходил, вот как! *(Развеселившись.)* Начинай песню, отец!

Абай запевает «Козы-Кош», дети подпевают.

Абай *(медленно читает только что родившийся стих)*:

Мальчиком жил я среди темноты,
Не зная, как ценны ученья плоды.
В вас, дети,— вся радость взрослых людей!
Что нам не далось — берите смелей!
Учись, мой сынок,— завет мой таков —
Для блага народа, не для чинов!

Абиш *(повторяя)*:

Учись, мой сынок,— завет мой таков —
Для блага народа, не для чинов!

Гульбадан: Кто сочинил эти стихи, отец?

Абай: Дети мои! Вам я желаю того, о чем сейчас прочитал. Это пожелание ваших степей, вашего народа, который ждет от вас помощи. Учитесь, чтобы быть заступниками за свой народ... *(Помолчав.)* А стихи эти написал для вас... один акын... по имени Кокпай.

Занавес

Ученик читает стихотворение «Восьмистишия» (кончая девятым восьмистишием) в переводе *Л. Озерова.*

2-ой ведущий: Властолюбивые, прочь! — сказал своими песнями, делами, всей своей жизнью Абай.

V сцена. В юрте Абая Какитай, Дармен, Ербол, Абай.

Абай *(держа перед собой раскрытую книгу)*: Казахи должны знать об этом Вадиме. Отважный, упорный, смелый герой... Просторный путь откроется перед вами, если будете писать дастаны, как Лермонтов...

Входит Акылбай, подсаживается к молодежи.

Абай: Все ли спокойно в аулах?

Акылбай: Да нет, не все. Нынче утром целая куча неведомых врагов напала на выпас Такежана-ага. Всех коней угнали, до одного.

Қакитай: Когда?

Абай: Весь табун угнали?

Акылбай: Говорят, впереди нападающих видели Базаралы.

Абай: Вот до чего довели людей насилия Такежана... Только так в наше время можно рассчитываться с обидчиками!

Ербол: Такого мы не слышали еще, Абай...

Абай: Вот что еще поразило сейчас меня. С каким удовольствием читаешь в русских книгах о мужественной борьбе смелых людей против насильников. Я часто спрашивал себя: была ли в нашей степи такая борьба, возможна ли она теперь? Кто в наши дни смог бы ее вести? И всегда отвечал себе: Базаралы. Он идет путем возмездия, мести. *(Импровизирует):*

Вскипает гнев в сердце, зовет голос чести,
Рука бедняка над наглым злодеем
Заносит кинжал — орудие мести...

Ербол *(выглядывая из юрты):* Такежан и Шубар приехали!

Входит разъяренный Такежан, за ним Шубар.

Такежан *(Абаю):* Едем со мной в город, мне нужна твоя помощь!

Абай: А какую беду ты терпишь? Помогают тем, кто терпит без вины.

Такежан: Ну, отчего же, по-твоему, я пострадал?

А б а й: Оттого, что ввергал в слезы народ. За эти слезы ты и потерпел беду.

Т а к е ж а н: Когда ты перестанешь называть народом нищий, ничтожный сброд?

А б а й: Никогда не перестану. Эти люди казахи, мой родной народ. С кем же мне быть, как не с ними?

Т а к е ж а н: Тогда объяви всем, что ты не сын предков, не сын Кунанбая, что ты не отличаешь себя от степного сброда!

А б а й: А я не раз говорил об этом.

Т а к е ж а н: Тогда скажи и остальное: что ты отступил от путей отцов.

А б а й: Путь отцов стал путем насилия, коварства... Да, я отступил от этого пути...

Т а к е ж а н: Я вижу, ты и сам доволен разбоем!

А б а й: Ну, что ж! Значит, и Базаралы, отомстивший за насилия над народом, и я думаем одинаково.

Т а к е ж а н: Выходит, ты мой враг!

А б а й: Если не оставишь Базаралы в покое, будешь враждовать и со мной.

Ш у б а р: Абай-ага, ведь и по шариату поступок Базаралы — тяжкий грех...

А б а й: Если шариат за Такежана, значит это не путь истины, а путь заблуждений!

Т а к е ж а н в ярости ударяет плеткой по лежащей перед Абаем книге.

А б а й: Если выдашь властям Базаралы, я взыщу с тебя за пастуха Ису, погибшего по твоей вине.

Т а к е ж а н *(прикидываясь удивленным):* При чем тут Иса? Человек умер по божьему велению, а я за это отвечаю? Что, я его убил?

А б а й: Да, ты. Ты и твой сын Азимбай. Вы побоями погнали его, больного, полуголого, в буран и в мороз. Он

из-за твоих овец погиб, а ты хоть бы глоток дал ему перед смертью! Где те четыре волка, которых убил Иса? Дал ты ему за них хоть четырех ягнят? Ты не только убил, но и ограбил мертвого.

Такежан направляется к выходу.

Абай (*негромко, но твердо*): Запомни, если с Базаралы случится подобное, я начну такую тяжбу, что ты не порадуешься, Такежан!

Занавес

1-ый ведущий: Не в такой ли момент Абай почувствовал острую потребность перевести для своего народа «Думу» Лермонтова.

«Думу» на русском языке начинает читать учащийся. Второй ученик заканчивает чтение в казахском переводе.

2-ой ведущий: Обращаясь к потомкам, к нам, Абай писал: «Вдумайся поглубже, отнесись ко мне сердечно, ведь я был не понят. Вырос я в дикой пустыне, где не было ни одной тропинки,— одни буераки. Я боролся один против тысяч»...

1-ый ведущий: Беспредельными просторами раскинулись степи Ералы, Ойкодыка, Корыка. Как огромен лик спокойного мира, пребывающего в вечерней тишине! Ровный мягкий свет разливается по этому блаженному в своем покое миру. Взволнованный взор поэта видит перед собой уже не степь, а море — спокойную, тихую гладь водного простора.

По этому морю жизни плывет одинокий корабль. На парусах его начертано: «Борьба и надежда». Корабль, поднявший на себе надежды народа, плывет к гавани, имя которой — Грядущее. Это корабль Абая прокладывает в мир широкий, прямой, уверенный путь.

Этот путь был путем борьбы. Но ни трудности, ни лишения не погасили в руке Абая светильник поэзии и разума, освещающий его тропу к родному народу.

Литературную композицию дополняют другие компоненты литературного вечера: специальный выпуск стенной газеты, викторина, общее оформление зала.

По совету учителя учащиеся могут поместить в газету подборку из лучших сочинений на темы творчества Абая, отзывы старшеклассников казахской школы и своих одноклассников о любимом стихотворении поэта, написать письмо в Семипалатинский музей Абая и на основе переписки подготовить письменное сообщение на тему «По следам большой жизни».

Приводим материалы, которые можно использовать для стенной газеты, плакатов и викторины.

Высказывания казахских и русских деятелей искусства об Абае, о его связях с русской культурой.

М. Ауэзов:

«Он нес во мраке невежества, окутывавшем казахские степи, яркий факел поэзии, указывал своему народу новые горизонты, откуда взойдет его солнце... Крылатый конь древних сказаний пронесся над равнинами и холмами, перелетел с вершин Алтая на вершины Алатау. Не так ли Абай, свершив многое, чтобы проложить потомкам дорогу, стал рядом с нашим веком, близкий и сегодняшний?»[1]

---

[1] М. Ауэзов, Предисловие. Абай. Собр. сочинений в одном томе, Госиздат, М., 1954 г., стр. 12.

Л. Леонов:

«...Мы, русские люди, почитаем Абая не только как великолепного поэта и основоположника братской казахской литературы,— мы чтим его как великого друга русского народа и с глубоким уважением склоняем головы перед его славной памятью».[1]

Л. Соболев:

«В обстановке тягчайшего гнета, экономического и национального, в самых густых сумерках царизма конца девятнадцатого века, вещее сердце поэта почуяло, а острый ум мыслителя отыскал единственно верный путь — чуть заметную тропу, ведущую на вершину. Он не мог тогда повести за собой весь караван своего несчастного народа, от которого скрывали даже начатки знаний. Абай сделал лишь самые первые шаги. Но шаги эти были верными, по верной тропе. Сам он уже не увидел, как вышел к солнечным вершинам весь его родной народ.

Зато мы видим и теперь следы этих мужественных и твердых шагов. В каменистой почве прошлого они отпечатались навеки, и ничто их не сотрет. В этих первых шагах — заслуга Абая, поэта-борца, гуманиста и просветителя, честного друга казахского и русского народов».[2]

М. Каратаев:

«В числе русских писателей, у которых учился Абай, одно из первых мест принадлежит Пушкину». [3]

---

[1] Л. Леонов, Из выступления на торжественном собрании, посвященном 50-летию со дня смерти Абая, Сб. «Русские о казахской литературе», стр. 87.

[2] Л. Соболев. Сборник «Русские о казахской литературе», стр. 94.

[3] М. Каратаев. Рожденная Октябрем. Казгосиздат, Алма Ата, 1958 г., стр. 74.

М. С. Сильченко:

«...Абай неповторимо своеобразен, как неповторим в русской литературе Пушкин».[1]

М. Ауэзов:

«Я скажу от имени всех казахских советских писателей — наследников Абая — великое спасибо той мудрой русской книге, которая научила Абая первой букве русского алфавита, великое спасибо тому русскому учителю, который научил Абая первому русскому слову!»[2]

Викторина «Проверь себя».

1. В каких произведениях Абай поставил эти вопросы и как их разрешил:

Какова роль русской культуры в жизни казахского народа? Куда и с кем идти поэту?

2. Кто из писателей и в каком произведении так описал внешность Абая:

«За эти годы Абай сильно изменился. Он стал широкоплечим, мускулистым... Глаза, продолговатые и немного выпуклые, были попрежнему чистыми. Их неугасимое пламя, горевшее под тонкими длинными бровями, придавало всему лицу Абая запоминающееся выражение, отличавшее его от других...» [3]

3. Эти слова мы встречали при изучении жизни и творчества Абая. Что они обозначают?

Аксакал, калым, карасоз, бий, медресе, барымта, шолпы, кобыз, толмач, саба, чекмень, ислам.

4. Назови поэтов, переводивших стихи Абая на русский язык. [4]

---

[1] М. С. Сильченко. Творческая биография Абая. Изд. АН КазССР, Алма-Ата, 1957 г., стр. 109.

[2] Цитируется по книге Р. Камысова «Родной для всех». Изд. «Казахстан», Алма-Ата, 1967 г., стр. 50.

[3] М. Ауэзов. «Абай», т. I, стр. 341.

[4] Стихи Абая переводили на русский язык В. Рождественский, С. Липкин, М. Тарловский, А. Гатов, Л. Шифферс, П. Шубин, Л. Озеров, Д. Бродский и другие.

5. Абай определил самое главное в себе — поэте и человеке — так:

«Народу отдал я любовь...» (в стихотворении «Разрознен мой родной народ...») Вспомни перекликающиеся с этой строкой известные строки Пушкина [1].

6. Какие произведения Лермонтова Абай перевел на казахский язык?

7. Какое произведение Абая использовал М. Ауэзов в такой сцене эпопеи: Абай приехал в Семипалатинск во время эпидемии; он стоит в толпе, собираясь донести до людей слова разума, и словно видит себя со стороны: «Вот он один сидит в безлюдной степи, разложил разноцветные чудные ткани и держит в руке аршин. Есть и товары, и торговец, но нет покупателя». [2]

8. Какое стихотворение Абая приходит на память, когда мы смотрим на эту картину Е. Сидоркина?

[1] «И неподкупный голос мой
Был эхо русского народа...»
А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 333, М—Л.

[2] Абай, «Назидания», Собр. соч., т. 1, стр. 333, М—Л.
«...Без народа нет и жизни. Какая польза в том, что ты разложишь в пустыне ситец и сядешь рядом с ним, взяв аршин в руки?»

Знаешь ли ты...

... что Абай, кроме родного языка, знал арабский, персидский и русский и читал в оригинале как Пушкина, Лермонтова и Щедрина, так и Омара Хайяма, Хафиза и Рудаки?

*

... что Абай зачастую был не только автором и слов и музыки своих песен, но и исполнителем их — музыкантом и певцом?

... что поэт перевел на казахский язык песню «Не осенний мелкий дождичек» (музыка М. И. Глинки, слова А. А. Дельвига).

... что Абай учил в русской школе не только своих детей, но и детей необеспеченных жителей окрестных аулов? Что именно этим абаевским «стипендиатам» посвящено стихотворение «Наших множество детей...»?

*

... что сыновья Абая — Магавья и Акылбай — были поэтически одаренными людьми?

*

... что ученик Абая — Арип Танирбергенов — стал автором одного из первых у казахов стихотворений о Ленине?

*

... что Джамбул был сверстником Абая (родился год спустя после Абая), но дожил не только до Великой Октябрьской революции, но и до победоносного окончания Великой Отечественной войны?

*

... что, по словам М. Ауэзова, девушки из родных аулов Абая, выходя замуж, непременно увозили в числе приданого рукописные сборники стихов, поэм и наставлений Абая?

*

... что роман Дюма «Три мушкетера» был известен казахской степи в устном пересказе Абая?

*

... что Абай, писавший стихи в течение почти 20 лет, при жизни не напечатал ни одной своей книги?

... что первая его книга (1909 год) издана не на родине, а в далеком Петербурге?

... что советский писатель М. Ауэзов посвятил почти четверть века сбору и художественной обработке материалов об Абае?

... что Ауэзов был знаком с женой поэта Айгерим и поставил первую свою пьесу в юрте внучки Абая, потому что театра у казахов тогда еще не было? Что роли в этой пьесе исполняли три внука Абая?

Обратитесь к этим книгам, готовя уроки по жизни и творчеству Абая:

Ауэзов М. «Мысли разных лет», Қазгосиздат, Алма-Ата, 1961 год. «Абай», «Путь Абая».

Каратаев М. «Мировоззрение и мастерство», изд. «Жазушы», Алма-Ата, 1956 г. «Рожденная Октябрем», Қазгосиздат, Алма-Ата, 1958 г.

Сильченко М. С. «Творческая биография Абая», Изд. АН ҚазССР, Алма-Ата, 1957 г.

Кедрина З. С. «Из живого источника». Изд. «Жазушы», Алма-Ата, 1966 г.

Сборник статей о казахской литературе, Қазгосиздат, Алма-Ата, 1957 г.

З. Ахметов. «Лермонтов и Абай», Изд. АН ҚазССР, Алма-Ата, 1954.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Инна Михайловна Орешникова

АБАЙ В РУССКОЙ ШКОЛЕ

Редактор И. Шевченко. Обложка худ. А. Островского.

Технический редактор Р. Алимбаева.
Корректор А. Головцова.

Сдано в набор 22/VII-1968 г. Подписано к печати 27/IX-1968 г.
Формат бум. 70×108 1/32. Печ. л. 2,5 (3,5). Уч.-изд. л. 3,45.
УГ07878. Тираж 6000 экз. Цена 9 коп.
г. Алма-Ата, издательство «Мектеп», ул. К. Маркса, 99а. Изд. № 89.

Заказ № 1230. Полиграфкомбинат Главполиграфпрома Госкомитета Совета Министров КазССР по печати, г. Алма-Ата, ул. Пастера, 39.